

Эстонские и латвийские дивизии «Ваффен-СС» на северо-западе СССР в 1941–1945 гг.

А. Г. Шляхтунов*

Одним из наиболее серьезных российско-латвийских разногласий на современном этапе является отношение к престарелым участникам латвийских формирований СС, созданных немцами в годы Второй мировой войны. В России не без оснований их считают эсэсовцами, виновными в уничтожении участников антифашистского Сопротивления и евреев. Латвийские власти говорят, что это борцы за независимость Латвии, воевавшие с оружием в руках прежде всего против большевиков. Кто же на самом деле были эти люди и за что воевали?

Нынешний рост национализма в Латвии и Эстонии проявляется и в печати: на основе выбранных отдельно взятых фактов прослеживается стремление обелить дивизии «Ваффен-СС»** и представить латвийские и эстонские формирования как борцов за национальную независимость в рамках военной политики третьего рейха.

Документы и материалы, хранящиеся в российских архивах, дают право с уверенностью говорить о том, что ни о какой независимой военной политике в период оккупации Латвии, Литвы и Эстонии не может быть и речи и очередная кампания подстегивания национального сознания призвана не просто уйти от исторических реалий, а сыграть на руку ярым националистам.

Настоящая статья на базе ранее опубликованных и новых архивных материалов раскрывает предпосылки и условия создания национальных воинских формирований в составе вермахта и войск СС на территории Эстонии и Латвии в 1941–1943 гг., ана-

лизирует вопросы подготовки и участия регулярных воинских формирований (национальные дивизии СС) из представителей эстонского и латвийского населения в боевых действиях на Восточном фронте (1941–1945 гг.), а также в карательных акциях против советских граждан и партизан на оккупированной противником территории.

В конце статьи даются документы и материалы, представляющие период с начала Великой Отечественной войны и до ее завершения. Они призваны воссоздать более объективную и целостную картину того периода и позволить исследователям и широкому кругу читателей расширить свои познания по данной проблеме. Документы даются в хронологической последовательности, а текст документов и материалов воспроизводится по подлинникам.

Предпосылки и условия создания национальных воинских формирований в составе вермахта и войск СС на территории Эстонской и Латвийской Советских Социалистических республик

После аннулирования Советским правительством Брестского договора в ноябре 1918 г. вывод германских войск с оккупированных территорий сопровождался падением установленных немецкими властями режимов, например, гетмана Скоропадского на Украине, Белорусской рады в Минске¹. Однако в некоторых случаях оккупантам удалось перед своим уходом передать власть режимам, сохранявшим связь с Германией. В частности, незадолго до прекращения германской оккупации 11 ноября 1918 г. в Эстонии

* Андрей Геннадьевич Шляхтунов — кандидат исторических наук, полковник Академии Генерального штаба ВС РФ.

** Waffen-SS — так назывались все иносациональные формирования, включенные в состав вермахта и войск СС с 1944 г. Иностранные, главным образом восточноевропейские, части «Ваффен-СС», хотя и подчинялись рейхсфюреру СС, частью организации СС не были, а рассматривались только как вспомогательные войска. Их командиры никогда не входили в «германскую элиту».

было создано прогерманское Временное правительство во главе с К. Пятсом.

В формировании новых правительств, создаваемых на захваченных немцами территориях, участвовали и силы Антанты: так, при поддержке Англии и Франции 18 ноября того же года в Латвии было создано правительство во главе с К. Ульманисом.

Однако под влиянием Октябрьской революции в России в Прибалтике была установлена советская власть, которая просуществовала там недолго.

Активность западных государств в Латвии, Литве и Эстонии была связана с планами расчленения России. Английский посол во Франции лорд Ф. Бертаи в своем дневнике писал 6 декабря 1918 г.: «Нет больше России! Она распалась. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т.е. Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии и т.д. И сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к чёрту и вариться в собственном соку»².

В это же время премьер-министр Франции Ж. Клемансо выдвигает идею создания «санитарного кордона» вокруг советской страны.

Цель — отделить буржуазные демократии от «большевистской России» буферными государствами, силами которых проводить разведывательно-диверсионную и подрывную пропагандистскую деятельность против Советской России.

В число стран так называемого кордона планировалось включить и Прибалтийские государства.

Постепенно упомянутые выше западные державы перешли от слов к делу.

В период с ноября 1918 по январь 1920 г. при поддержке США и Англии советская власть в Эстонии, Латвии и Литве была свергнута. На это правительства США и Англии в 1918–1920 гг. выделили свыше 5 миллионов долларов и 1,3 миллиона фунтов стерлингов³.

Западные державы все последующие годы усиливали борьбу против молодого Советского государства. На состоявшейся в январе 1920 г. в Хельсинки конференции пяти стран (Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши) была принята резолюция о совместной политике в отношении РСФСР, которая обязывала страны-участницы соотноситься в своих действиях с указаниями держав Антанты. Следующим шагом в реализации стратегии США, Англии и Франции против РСФСР стал созданный в 1923 г. Союз Балтийских стран.

Униженная Версальской системой Германия также не собиралась уступать США, Англии, Франции своего бывшего влияния на Прибалтийские государства*, активно вмешиваясь в процесс их развития.

С победой фашизма в Германии сотрудничество буржуазных правительств Латвии, Литвы и Эстонии

с Берлином все больше отражалось на их общественном устройстве, характеризовавшемся более жесткими военизированными чертами, чем это происходило в родственных по типу западноевропейских странах.

Такому сближению способствовали и исторические предпосылки: в Латвии, например, традиционно сильны были прогерманские тенденции. Несмотря на то, что в 1935 г. немецкое меньшинство в республике составляло всего 3,2% (62 тыс. человек), сформированное в его рамках общество под названием «Латвийское братство» провозгласило своей целью включение всех Прибалтийских государств в состав третьего рейха⁴.

Зерна новых политических течений развивавшегося в Италии фашизма и зреющего в Германии национал-социализма упали на благодатную почву.

В период с 1922 по 1934 гг. на территориях Литвы, Эстонии и Латвии были установлены авторитарные режимы, во многом перекликающиеся с фашистской диктатурой.

Основными их оплотами явились «общественные» вооружённые организации для борьбы с «внутренним врагом»: в Эстонии — «Кайтселийт» (гражданская гвардия), «Омакайтсе» (союз защиты), в Латвии — «Айзсарги» (защитники), в Литве — «Шаулис» (стрелки).

Новые режимы проводили политику репрессий против левых сил. Представителей левых партий, и прежде всего коммунистов, преследовали, арестовывали, а некоторых из них расстреливали. Так, в мае 1922 г. был арестован и расстрелян один из руководителей компартии Эстонии — В. Кингисепп. Подобные акции произошли в Литве 27 декабря 1926 г., а в Латвии в 1934 г.⁵

Правительства Латвии, Литвы и Эстонии оставались зависимыми от воли ведущих империалистических государств, фактически контролировавших их экономику. Например, на долю Англии и Германии приходилось две трети экспорта Латвии, а удельный вес капиталов банков США, Англии и Германии составлял 60% в сводном балансе всех частных банков этой страны⁶.

Оказавшись вовлечёнными в сферу мирового капиталистического хозяйства и подчинившись гегемонии ведущих империалистических держав, Прибалтийские государства неизбежно попадали в зависимость от Запада, становились сырьевым и сельскохозяйственным придатком западных держав.

В 1940 г., разоблачая планы Англии, Франции, США и Германии по экономическому, политическому поглощению и культурной ассимиляции прибалтийских народов, а также готовность правящей верхушки Литвы, Эстонии и Латвии оказать помощь ведущим западным державам в реализации их планов, депутат-социалист Государственной думы Эстонии

* Прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва до присоединения к СССР в 1940 г. [От пакта Молотова и Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллин. 1990. С. 123–124].

Н. Руус заявил: «В течение последних 2-х лет английские и французские империалисты открыто говорили о необходимости ликвидации самостоятельности малых стран и народов, пропагандировали идеи неопределённой Европейской Федерации, в которой все народы будут подчиняться их власти»⁷.

События после Мюнхена укрепили правителей Литвы, Эстонии и Латвии в убеждении, что не следует надеяться на помощь Англии и Франции, а лучше ориентировать политику своих государств на более тесное сотрудничество с Германией.

7 июня 1939 г. Эстония и Латвия подписали договоры о ненападении с Германией, а в августе того же года — секретные соглашения о гарантиях их границ⁸.

В ночь на 24 августа 1939 г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, народный комиссар иностранных дел В. Молотов и министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп подписали в Кремле советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами. Заключение договора, известного под названием «пакта Молотова–Риббентропа», явилось заметным событием в предыстории Второй мировой войны.

Это соглашение вместе со своим логическим продолжением — договором о советско-германской дружбе и границах, также с секретными приложениями, подписанными 28 сентября 1939 г., — оказали определяющее влияние на дальнейшие судьбы прибалтийских народов.

20 сентября 1939 г. литовское правительство согласилось с проектом секретного договора, предложенного Германией и предусматривающего определение статуса Литвы как «протектората германского рейха».

Одновременно в Латвии, Литве и Эстонии усиливались военные приготовления. Так, например, по линии МИД СССР сообщалось, что в этих государствах проведен в жизнь закон о создании в промышленности и торговле двухмесячных запасов сырья и фабрикатов, а среди населения двухмесячных запасов продовольствия⁹.

В 1939 г. агрессивная политика Германии вступила в новую фазу: Берлин взял курс на развязывание войны и начал планомерную дестабилизацию международной обстановки.

В начале Второй мировой войны, когда еще не был ясен ее дальнейший ход, Прибалтийские государства приняли меры по укреплению своих восточных границ¹⁰.

Молниеносная победа Германии над Польшей привела к тому, что авторитарные правительства этих государств, тяготевшие к Германии, были вынуждены изменить свою политику быстрой сменой настроений уже не в пользу победительницы. Поочередно правительства Эстонии (28 сентября 1939 г.), а затем Латвии (5 октября 1939 г.) и Литвы (10 октября 1939 г.) подписали предложенные советской стороной договоры о взаимной помощи, которые соответствовали

интересам безопасности как СССР, так и Прибалтийских государств¹¹.

Создание советских военных баз и вступление в эти страны советских воинских контингентов (25 тыс. — в Латвии, 25 тыс. — в Эстонии, 20 тыс. — в Литве) для их охраны, учитывая обстановку в Европе, получили у большей части населения прибалтийских народов поддержку.

Достаточно дружественный прием частей Красной Армии в Риге и Нарве, Таллине и Лиепае, Вильнюсе и других городах свидетельствовал о том, что в этот период вступление советских войск воспринималось подавляющим большинством местного населения как наименьшее зло, как защита от небезопасного германского «соседа» с его «новым порядком»¹².

Вступление Прибалтийских государств в СССР в 1939–1940 гг. наряду с некоторыми позитивными преимуществами (улучшение положения батраков, малоземельных и безземельных крестьян, ликвидация безработицы и т. д.) нанесло значительный моральный ущерб отдельным слоям населения, так как фактически были ликвидированы традиционные социально-политические институты, а также оказано грубое давление на церковь.

Прибывшие в Литву замнаркома иностранных дел В. Деканозов, в Латвию — заместитель председателя Совнаркома А. Вышинский — и в Эстонию — секретарь ЦК ВКП(б) А. Жданов стали жестко устанавливать административно-бюрократическую систему. Начались репрессии и депортации, которые продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, то есть социалистическое строительство и здесь сопровождалось извращением его принципов¹³.

Июньские события 1940 г.: взятие германскими войсками Парижа, капитуляция Франции, переброска крупных сил немецких войск в Польшу, в Восточную Пруссию — вызывали обеспокоенность Советского правительства, так как был возможен такой же вариант развития ситуации в Литве, Эстонии и Латвии. Возникла необходимость решительного укрепления стратегического положения СССР на западе, в том числе и в прибалтийских странах.

По требованию СССР в них были увеличены контингенты советских войск, прежние авторитарные правительства заменены демократическими, национальными, а затем и просоветскими. 14–15 июля в Литве, Эстонии и Латвии состоялись выборы, в результате которых на территориях этих государств была провозглашена Советская власть.

Мотивы действий СССР были понятны многим зарубежным политикам. Так, германский посланник в Риге фон Котце писал: «Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях и что планы

русских имеют оборонительный характер»¹⁴. Его коллега в Каунасе Э. Цехлин докладывал в Берлин: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учётом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями»¹⁵. Аналогичного мнения придерживался и глава британского МИД Э. Галифакс. В те дни он заметил, что «концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера»¹⁶.

Действительно, к середине июля, по данным советской разведки, в Восточной Пруссии и Польше было сосредоточено 48 дивизий вермахта¹⁷, а в восточных районах Германии была объявлена дополнительная мобилизация. Проводились и другие мероприятия, которые свидетельствовали об активизации немецких войск на восточных границах Германии.

Но не только резко выраженные интересы СССР определяли ввод дополнительных советских войск в Латвию, Литву и Эстонию. Сильное влияние оказали и динамически развивающиеся события в этих государствах. Левые круги интеллигенции приветствовали замену правящих режимов и требовали радикальных изменений в жизни этих стран, которые должны были создать новые демократические правительства¹⁸. Как показали многочисленные митинги, значительная часть народа настаивала на вступлении в состав СССР.

Ввод дополнительных соединений РККА и смена правительств в Латвии, Литве и Эстонии большинством зарубежных государств были встречены как вполне объяснимые меры, продиктованные интересами безопасности СССР, о чём свидетельствует признание их многими странами. Включение же Прибалтийских государств в состав СССР на Западе было расценено как аннексия, как проявление «имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства», как стремление «множить число советских республик». Реакция была незамедлительной: ухудшились отношения Советского Союза с Англией и США, то есть с теми странами, которые являлись потенциальными союзниками СССР, причём как раз в тот момент, когда все явственнее обозначались противоречия Москвы с Берлином, и сама обстановка требовала всемерного укрепления отношений с западными державами.

Включение народов Прибалтики в состав Советского Союза, а главное, внедрение там модели сталинского социализма резко осложнили внутриполитическую ситуацию. В Советской Прибалтике*

стала нарастать неприязнь к советской власти даже со стороны тех, кто при более мудрой правительственной политике остался бы нейтральным.

Нарастало размежевание между противниками и сторонниками нового строя.

С вводом частей Красной Армии на территорию Прибалтийских государств и установлением советской власти националистические организации Литвы, Эстонии и Латвии были распущены. В Эстонии 27 июня 1940 г. вместе с «Кайтселийтом» была сформирована и входившая в него юношеская организация. В Литве 13 июля была распущена организация «Шаулис», члены которой несли вспомогательную службу в полиции. Та же участь постигла организацию «Айзсарги» в Латвии 25 июня 1940 года¹⁹.

Однако формальный роспуск этих организаций не привёл к их исчезновению. Во многом они сохраняли свою боеспособность, уйдя в подполье и имея тайные склады оружия. Так, в Латвии почти полностью сохранились кадры распущенной военно-фашистской организации «Айзсарги», насчитывавшей в своих рядах около 60 тыс. человек. В Литве действовал Литовский фронт активистов, имевший в своих рядах более 30 тыс. человек²⁰.

Именно они — члены националистических организаций «Айзсарги», «Шаулис», «Омакайтсе» — полицейские, реакционные офицеры бывшей буржуазной армии и другие группы националистов составили накануне Великой Отечественной войны внутренние силы реакции.

Руководители этих организаций после их роспуска, опасаясь преследований на родине, бежали в Германию, где попали в сферу немецкой разведки, которая использовала их для подрывной деятельности уже против Советских Прибалтийских республик.

Готовясь к нападению на СССР, фашистская Германия начала подбирать так называемые «национальные кадры будущей администрации» Латвии, Литвы и Эстонии. С этой целью немецкая разведка установила личные контакты с рядом буржуазных националистов: бывшим генералом буржуазной Латвии О. Данкером, бывшим сотрудником Генерального штаба эстонской армии полковником Маазингом, бывшим руководящим работником МВД буржуазной Эстонии О. Ангелуссом, бывшим послом Литвы в Германии полковником К. Шкирпа²¹.

Из числа «активистов» центров по подготовке диверсий, созданных в Германии, забрасывались на территорию Латвии, Литвы и Эстонии агенты, имевшие задачи не только по сбору разведывательной информации, но и по организации и объединению профашистских сил, оставшихся на местах.

Разведывательно-диверсионную деятельность на территории Эстонии, например, возглавляли бывшие

* Советская Прибалтика — называли территории Эстонской, Латвийской и Литовской Советских Социалистических республик до Великой Отечественной войны [Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945. В трёх книгах. Книга первая. Рига. 1966. С. 25].

высшие офицеры буржуазной армии Маазинг, Линнеберг, Кург, Саарсен²². Что касается Латвии, то к началу нападения гитлеровской Германии на СССР только в Риге под руководством резидента немецких спецслужб подполковника-лейтенанта Грампаниса было создано 200 групп «пятой колонны». Всего же в подпольных, частично вооружённых формированиях весной 1941 г. насчитывалось около 30–40 тыс. боевиков²³.

Процесс создания высшим военно-политическим руководством третьего рейха различных эстонских воинских формирований, включая полицейские, проходил с опорой на националистическую вооружённую организацию «Омакайтсе». Согласно характеристике бригаденфюрера СС А. Штонера, эта организация была создана из «добровольческих отрядов надежных граждан». Структура «Омакайтсе» походила на структуру гражданской гвардии буржуазной Эстонии («Кайтселийт») периода до 1940 г. Поэтому и во главе ее были бывшие военнотруженики либо деятели упомянутой организации.

Таким образом, серьёзные промахи советского высшего партийного руководства в проводимой политике по отношению к населению Советской Прибалтики способствовали тому, что вторжение фашистской Германии на территорию СССР 22 июня 1941 г. часть граждан Советской Прибалтики встретила с энтузиазмом.

В 1939–1941 гг. в националистическом подполье шёл активный процесс подготовки к дестабилизирующим действиям в тылу Красной Армии на территории Латвии, Литвы и Эстонии «Абвер II» (восточно-прусское управление Германской военной разведки) 21 мая 1941 г. докладывал в Берлин: «Восстания в Прибалтике подготовлены... Подпольное движение в своём развитии прогрессирует настолько, что его трудно удерживать от преждевременных акций»²⁴.

На тайных собраниях обсуждались планы действий, на недоступных для органов советской власти участках территории создавались склады оружия, проводилось обучение подрывному делу и действиям по нападению на военные объекты. Основным лозунгом националистического подполья был следующий: «Ясно, что Германия скоро будет воевать с Советским Союзом, и на случай войны мы должны как один с оружием в руках выступить против Советской власти и Красной Армии и вместе с немцами изгнать Красную Армию с наших земель, установить свободу для литовцев, эстонцев и латышей»²⁵.

Однако планы высших руководителей третьего рейха расходились с планами руководителей как подпольных организаций, так и глав правительств Прибалтийских государств, находившихся за границей. Между тем в Прибалтике фашистами планировалось полное уничтожение всего, что может напоминать о существовании латышей, литовцев, эстонцев как народов, их культуры. В меморандуме германского

уполномоченного по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства от 2 апреля 1941 г. в разделе «Эстония, Латвия, Литва» говорилось: «Следует решить вопрос, не возложить ли на эти области особую задачу как на будущую территорию немецкого расселения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении местные элементы...

Необходимо будет обеспечить отток значительных слоёв интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян, чтобы через одно или два поколения присоединить эту страну, уже полностью онемеченную, к коренным землям Германии».

Данные положения затем были закреплены и утверждены Гитлером 15 июля 1941 г. в плане «Ост»²⁶.

Учитывая многочисленность националистических организаций на территории Латвии, Литвы и Эстонии, хорошую организованность и достаточную их оснащённость, многие информаторы НКВД оценивали эту так называемую «пятую колонну» как реальную серьёзную «помеху» для советских войск в случае войны с Германией. Кроме того, упомянутые выше организации являлись хорошей базой для создания национальных прогерманских воинских формирований.

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны в так называемых «оборонительных батальонах», созданных фашистами в Латвии, Литве и Эстонии, служило около 20 тыс. литовцев, 10 тыс. эстонцев и около 15 тыс. латышей²⁷. Почти все батальоны были направлены на советско-германский фронт, сначала для вспомогательной службы в тылу, а затем на передовую. Некоторые из этих национальных частей использовались на территориях Польши, Югославии, Италии. В их задания, как правило, входили контрольные и карательные функции: проверка гражданского населения и проведение операций против партизан. В дальнейшем «оборонительные батальоны» стали основой для создания более крупных национальных воинских формирований.

Частичная реструктуризация националистических, полицейских и бывших воинских подразделений буржуазных армий Прибалтийских государств не требовала у высшего военно-политического руководства третьего рейха особых усилий при создании национальных воинских формирований. Однако, несмотря на активную позицию национальных лидеров в этом вопросе, оно не торопилось создавать прибалтийские вооружённые силы в составе вермахта (на правах полноправных воинских частей).

В отличие от Розенберга, который предлагал установить к населению Прибалтики более мягкое отношение, чем к русским, действуя по принципу «разделяй и властвуй», Гитлер был убеждён, что германская армия сможет выполнить свою колониза-

торскую миссию самостоятельно. Что же касается участия в войне представителей советских народов под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, то оно, в свете объявленных фюрером целей, было просто немислимо²⁸.

Дело в том, что еще накануне вторжения на территорию СССР, 16 июня 1941 г., на совещании руководителей фашистского рейха Гитлер, заявляя о целях предстоящей войны, уточнил: «Железным законом должно быть: никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев! Это особенно важно. Даже если в какое-то время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. В один прекрасный день это непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах, не украинец»²⁹.

Первое совещание, на котором был рассмотрен вопрос о добровольцах для борьбы против СССР, состоялось 30 июня 1941 г. с участием представителей Министерства иностранных дел, верховного командования вермахта (ОКВ), главного управления войск СС и управления по внешнеполитическим связям Национал-социалистской партии Германии. На нем рассматривались общие директивы о подчинении вермахту или войскам СС подразделений и частей национальных формирований. При этом отмечалось, что воинские формирования будут комплектоваться по национальному признаку; было также установлено, что национальные кадры имеют право носить немецкую форму с национальными знаками различия регулярных войск, но без предоставления им немецкого гражданства³⁰.

Однако уже с первых дней войны, вне всякой зависимости от политических установок гитлеровского руководства, германские вооруженные силы столкнулись с проблемой использования в своих рядах советских граждан и эмигрантов. Прежде всего это касается немецкой военной разведки (абвера), формировавшей и направлявшей в распоряжение штабов немецкой армии группы уроженцев советских республик, в том числе латышей и эстонцев, насчитывавшей до 25 человек под командованием немецких офицеров. Используя для прикрытия трофейное советское обмундирование и вооружение, группы должны были проникать в советский тыл на глубину от 50 до 300 км, с тем чтобы сообщать по радио результаты наблюдения. Основными пунктами докладов были данные о состоянии железных дорог и автомагистралей, сведения о резервах советских войск³¹.

В начале войны, в 1941 г., на территории Эстонии активно действовал сформированный немецкими спецслужбами в Финляндии батальон «Эрна II». Одна его группа была сброшена на парашютах в район действий националистических отрядов («зеленых брать-

ев») с целью возглавить их борьбу против советских войск. Другая группа высадилась с моря на северном побережье Эстонии и осуществляла диверсионную деятельность в советском тылу³².

Формирование упомянутых групп всецело находилось в ведении абвера. Соответственно, на них не распространялись установки политического руководства, однако, с другой стороны, их существование никоим образом не влияло на гитлеровскую восточную политику в части использования советских граждан в вооруженной борьбе.

Куда более важным в этом отношении было использование армией так называемых «хиви» (сокр. от нем. *Hilfswillige* — добровольные помощники)³³. Несмотря на значительные успехи, достигнутые вермахтом в ходе приграничных сражений, и оккупацию значительных территорий, война против Советского Союза не стала шестинедельным блицкригом, а потери в живой силе и технике превысили все расчётные данные. В течение первых 8 недель войны германская армия потеряла только убитыми и пропавшими без вести более 100 тыс. человек³⁴. Это столько же, сколько во всех предшествующих кампаниях, начиная с сентября 1939 г. Вследствие этого некомплект личного состава к концу августа 1941 г. достигал: в 14 дивизиях свыше 4000 чел., в 40 — свыше 3000 чел., в 30 — свыше 2000 чел. и в 58 — несколько менее 2000 чел.³⁵. Прибывавшее пополнение не могло возместить этих потерь: до конца ноября 1941 г. из строя выбыло 740 тыс. солдат и офицеров, в то время как пополнение составило не более 400 тысяч³⁶.

Эту проблему командирам немецких частей на Восточном фронте пришлось решать своими силами путём привлечения советских военнопленных и лиц гражданского населения для выполнения вспомогательных работ в тыловых частях. Зачисленные в состав частей военнопленные заносились в списки, содержавшие следующие данные: имя и фамилию, дату рождения, последнее место жительства и личные приметы. Каждый из них получал паёк немецкого солдата, а после двухмесячного испытания и официального зачисления в качестве «добровольцев вспомогательной службы» — денежное содержание и дополнительное довольствие³⁷.

Партизанская война в немецком тылу стала вторым важным фактором, повлиявшим на привлечение в ряды вермахта граждан Прибалтийских республик и создание из их числа особых вооруженных формирований. Исходя из предпосылки победоносного окончания Восточной кампании через несколько недель, германские армии и командование тыловых районов групп армий имели в своём распоряжении весьма ограниченные охранные и полицейские силы. Дело в том, что большую их часть немецкому командованию приходилось использовать на советско-германском фронте. Так, из 34 охранных батальонов в группе армий «Север» по назначению использовалось лишь 4 подразделения³⁸. Поэтому

уже в конце июля 1941 г. командующим тыловыми районами было разрешено формировать во взаимодействии с соответствующими начальниками СС и полиции «вспомогательные охранные части». Первоначально это были прежде всего литовцы, эстонцы, латыши, белорусы и украинцы³⁹.

25 августа 1941 г. командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, эстонцев и латышей и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы⁴⁰. Зимой 1941/42 г. были созданы балтийские охранные батальоны — первоначально с целью заменить в тылу немецкие войска для использования последних на Восточном фронте, однако начиная с 1942 г. эстонские батальоны наравне с немцами сражались на передовой линии⁴¹.

Противоречие таких мер установкам гитлеровской восточной политики разрешалось приказом начальника штаба верховного главнокомандующего вооружёнными силами генерал-фельдмаршала В. Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения» от 16 сентября 1941 г. В приказе, в частности, указывалось, что «политические установки Германии относительно указанных территорий не должны влиять на действия военных оккупационных властей». Однако в том же документе говорилось, что «силы из местного населения не годятся для проведения... насильственных мероприятий», а «увеличение этих сил создаёт повышенную угрозу для собственных войск, и к нему поэтому не следует стремиться»⁴². Однако военная обстановка диктовала местным командным инстанциям вермахта свои условия.

Многочисленные охранные и антипартизанские формирования создавались усилиями руководства вермахта — от командующих тыловыми районами групп армий до начальников гарнизонов. Мелкие команды сводились в роты и батальоны, получали немецкое обмундирование и армейское вооружение, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и затем выполняли боевые задачи — от охраны объектов до проведения карательных экспедиций в партизанских районах. За такими подразделениями закрепилось название «восточные батальоны». В составе каждого из них имелось несколько (2–5) рот по 100–200 чел. в каждой, взводы: управления, миномётный, противотанковый, артиллерийский, объединённые в составе штабной роты. На вооружении имелись 76-мм орудия (2), 82-мм (2) и 50-мм (4–7) миномёты, станковые и ручные пулемёты, винтовки и автоматы⁴³.

Большая часть восточных батальонов носила стандартные номера: 601–621, 626–630, 632–650 и т. д. до 681. Другие батальоны носили номера армейских (510, 516, 517, 561, 581, 582), корпусных (308, 406, 412, 427) и дивизионных (207, 268, 285) частей, в зависимости от того, где они формировались⁴⁴.

Никем не контролируемый рост числа так называемых «туземных» воинских подразделений вызвал негативную реакцию у Гитлера, который 24 марта 1942 г. запретил их дальнейшее формирование с сохранением уже имеющихся частей в необходимом количестве и в рамках батальонного звена⁴⁵.

Факт признания фюрером существования таких частей знаменовал собой важный сдвиг в вопросе привлечения граждан прибалтийских и других республик на службу в германскую армию. И хотя Гитлер говорил ещё и о том, что «самая большая глупость, которую можно допустить в оккупированных восточных областях, — это дать в руки покорённым народам оружие», шаг за шагом он делал уступки требованиям военной необходимости⁴⁶.

Фактически с конца марта 1942 г. началось крупномасштабное по замыслу создание национальных легионов, в частности в Прибалтике, хотя фюрер ещё в течение года оттягивал решение де-юре данного вопроса. В своём военном дневнике Ф. Гальдер пометил выдержкой из оперативного приказа фюрера № 5 от 16.03.1943 г.: «...Исходя из создавшейся на Востоке обстановки, на период после 15.4[1943] переносятся сроки... оснащения оружием и техникой 3-х дивизий СС, состоявших из литовских, латышских и хорватских добровольцев»⁴⁷.

Первый общий документ, регулирующий статус формирований из числа советских граждан, был разработан вторым (организационным) отделом Генерального штаба сухопутных войск вскоре после выхода директивы № 46 верховного командования вермахта. В соответствии с характером использования «местных вспомогательных сил на Востоке» приказ начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера № 8000/42 (без даты) выделял следующие категории граждан:

1. Представители тюркских народов и казаки;
2. Местные охранные части из добровольцев, включая освобождённых военнопленных из числа эстонцев, латышей, литовцев, финнов, украинцев, белорусов;
3. Части из местных добровольцев, используемые в качестве полиции;
4. Граждане, помогающие на фортификационных работах⁴⁸.

Приказ содержал инструкцию по использованию в частях вермахта «хиви». Основные положения данной инструкции были разработаны с учётом нацистской политики дифференцированного подхода к представителям различных народов. В частности, существовало неравенство в денежном содержании и продолжительности отпусков. Так, если солдат балтийских охранных частей получал месячное жалование в размере оклада ротного командира восточных легионов — 72 германские марки, то русский «доброволец» — 24 марки (примерно 240 рублей). Эстонские, латвийские и литовские солдаты получали дополнительное вознаграждение

за каждый день фронтовой службы в размере одной марки, тогда как русские «добровольцы» были этого лишены⁴⁹. Аналогично было с отпусками, которые предоставляли прибалтам без ограничений, а русским, украинцам и белорусам — только женатым и лишь в том случае, если их семьи проживали на территории, занятой немецкими войсками⁵⁰. Упомянутый выше приказ № 8000/42 также содержал разъяснения по воинским званиям, знакам различия и т. д.

Вместе с тем процесс создания гитлеровским верховным командованием национальных воинских формирований для службы в составе вермахта и войсках СС при целом ряде общих условий имел некоторые особенности применительно к каждому из упомянутых выше государств.

После оккупации Германией Советской Прибалтики там сразу же появилось стремление к восстановлению государственной самостоятельности. Вермахт и абвер воспользовался этими тенденциями⁵¹. Преимущественно на должности в местную администрацию назначались выходцы из эмиграции. Главы самоуправления были уполномочены отдавать распоряжения с разрешения генерального комиссара⁵².

После захвата Эстонии на её территории вся власть была сосредоточена в руках главнокомандующего группы армий «Север» фельдмаршала фон Лееба. 15 сентября 1941 г. начальник тыла группы армий «Север» генерал фон Рон от имени фельдмаршала фон Лееба отдал приказ об образовании так называемого «эстонского самоуправления». В соответствии с этим решением была создана и администрация этого самоуправления, в состав которой вошли Х. Мяз, О. Ангелус, А. Вендт, О. Леэмент и Х. Саар⁵³.

По распоряжению Гитлера в начале декабря 1941 г. Эстония выводится из-под управления начальника тыла группы армий «Север» и входит в состав рейхскомиссариата «Остланд»⁵⁴. Генеральным комиссаром Эстонии, то есть высшим представителем гитлеровской Германии, был назначен К. Литцман.

По данным зарубежных исследователей, подтвержденным сведениями из отечественных архивов, уже в конце 1941 г. на базе «Омакайтсе» было создано 25–27 полицейских и охранных батальонов неполного состава общей численностью около 10 тыс. человек⁵⁵. В январе 1942 г. в ходе объявленной первой «добровольной» мобилизации эстонской молодежи в возрасте от 18 до 25 лет численность личного состава в батальонах увеличилось до 40 тыс.

Как правило, этим подразделениям давались наименования по месту формирования, например, Нарвский, Тартусский, Вильяндский и др. батальоны. Командирами батальонов и рот были немецкие, а также «проверенные» эстонские офицеры. Однако всегда при эстонском командире находился немецкий офицер связи⁵⁶.

По социальному составу полицейские батальоны комплектовались в основном из бывших членов

профашистских студенческих организаций или из числа бывших полицейских⁵⁷.

Однако надеждам эстонских националистов на создание национальных вооружённых сил не суждено было сбыться, хотя 28 августа 1942 г., в первую годовщину немецкой оккупации территории Эстонии, генеральный комиссар К. Литцман на площади Свободы в Таллине и объявил приказ Гитлера об образовании добровольческого эстонского легиона войск СС. Он был создан как часть немецких войск СС, подчиненная рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру⁵⁸.

Однако формироваться эстонский легион начал только 8 февраля 1943 г., а до этого проводилась подготовительная работа усилиями оккупационных властей и местных представителей власти на территории Эстонии. Например, было создано «Общество друзей эстонского легиона», которое занималось агитацией за вступление в него добровольцев.

Прием в легион производился полицейскими учреждениями в Таллине, Тарту, Пярну, Вильянди, Хаапсалу, Раквере, Кохтла-Ярве, Нарве, Курессаре и Петсери. Специальным уполномоченным по вербовке в легион СС был назначен майор А. Мере как старший по званию эстонский офицер, вступивший в легион. Непосредственно прием легионеров производила команда «Остланд» таллинского отделения войск СС.

Всеми вопросами организации, вербовки и снабжения занималась также специально созданная для этой цели генеральная инспекция эстонского легиона СС во главе с оберфюрером И. Соодла. Однако проведенные подготовительные мероприятия по комплектованию эстонского легиона СС на добровольческой основе ожидаемых результатов не дали: во всей Эстонии набралось всего около 500 добровольцев, и поэтому германским властям пришлось провести уже мобилизацию мужского населения Эстонии 1919–1922 гг. рождения⁵⁹. При этом особо учитывались требования устава войск СС к легионеру: здоровье, полная идейная надежность, обязанность служить в легионе до конца войны. Лицам, зачисленным в легион и уже имевшим офицерские и унтер-офицерские звания, присваивались соответствующие им воинские звания войск СС, после испытательного срока.

Кроме того, по мнению оккупационных властей, основу легиона должны были составить 15 % личного состава из эстонских «восточных» и полицейских батальонов⁶⁰. Таким образом, удалось мобилизовать ещё 2 тыс. чел.

Оккупационными властями и органами «эстонского самоуправления» периодически производилась дополнительная вербовка «добровольцев» в ряды эстонского легиона. В связи с каждой вербовкой проводилась усиленная агитация вступать в легион, а семьям легионеров предоставлялись определенные материальные льготы и привилегии.

После поражений немецкой армии зимой 1942/1943 г. на Восточном фронте вербовка стала

принимать все более принудительный характер. Так, например, таллинское радио от 9 марта 1943 г. сообщало: «В комиссии по распределению рабочей силы можно изъявить желание о направлении в ряды эстонского легиона или просить об участии во вспомогательных работах при войсковых частях. Не желающие выполнять свой долг будут привлекаться к ответственности и тюремному заключению»⁶¹.

В конце марта 1943 г. была объявлена мобилизация всех бывших эстонских офицеров, а с 3 по 10 ноября 1943 г. была объявлена мобилизация мужчин 1925 г.р., но она не дала желаемых результатов из-за большого числа «уклонистов».

В результате всех этих действий, по официальным данным «эстонского самоуправления», удалось довести численность легиона до 15000 чел., включая все «охранно-полицейские» формирования. Из этого числа приблизительно 11000 чел. было послано на Восточный фронт⁶².

Власти, ускоряя участие эстонцев в активных боевых действиях, создавали на базе легиона различные подразделения и соединения. В начале 1943 г. из добровольцев был сформирован батальон «СС — Нарва» и включен в состав немецкой дивизии «СС — Викинг»⁶³. В ноябре 1943 г. в Дембице под Краковом начала формироваться эстонская бригада СС.

Эстонская бригада получила название «Третьей добровольческой бригады» и организационно состояла из двух батальонов, в каждый из которых входило четыре роты (три стрелковые и одна тяжелого оружия); командовал бригадой штандартенфюрер Аугсбергер, немец по национальности. Остальными командирами были эстонцы.

В октябре 1944 г. в г. Неухаммере (Германия) была создана 20-я эстонская добровольческая дивизия СС, организованная на основе расширения упомянутой выше 3-й добровольческой эстонской бригады. В состав дивизии входили три гренадерских полка СС — «Эстланд».

Кроме того, как показывают архивные документы, определённая часть населения Эстонии, не желавшая служить в немецкой армии, но активно стремившаяся к борьбе за независимость своей страны, прежде всего от коммунистического режима, переходила на службу в армии соседних государств. Например, в Финляндии, в армии Маннергейма, существовал 200-й учебный полк, целиком укомплектованный эстонцами, бежавшими от мобилизации в немецкую армию. Всего же в боевых действиях против Красной Армии на стороне Финляндии принимали участие около 3 тыс. эстонских граждан⁶⁴.

Оккупировав в 1941 г. Латвию, немецкое командование объявило её собственностью «Великой Германии» и включило в состав восточных областей под наименованием «Остланд».

На территории Остланда военно-политическое руководство Германии ввело институт рейхс-комиссаров, которые подчинялись рейхсминистру

и руководили гебитскомиссарами (т.е. комиссарами уездов или районов). Непосредственно восточной областью Остланда управлял бывший немецкий барон А. Розенберг через рейхскомиссариат в Риге во главе с рейхскомиссаром Г. Лозе⁶⁵.

Для демонстрации показной независимости Латвии немцами было создано «латвийское самоуправление», состоящее из директоратов, которые в свою очередь состояли из департаментов и управлений. Номинальное руководство этим органом власти осуществлял генеральный директор внутренних дел Латвии, генерал бывшей латвийской армии О. Данкер⁶⁶.

Германской службой безопасности в границах Остланда был сформирован главный округ СС под руководством обергруппенфюрера СС генерала полиции Ф. Йеккельна со штаб-квартирой в г. Риге. Непосредственно в Латвии службу безопасности возглавил бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции У. Шрёдер, прибывший в латвийскую столицу в августе 1941 г. и, среди прочего, принявший командование над латышской городской и сельской полицией⁶⁷.

Немецкое командование нуждалось в национальных полицейских подразделениях, которые могли бы высвободить немецкие воинские части от необходимости поддерживать оккупационный режим в Латвии, что предполагало активную и тяжёлую борьбу с советскими партизанами.

Формирование таких полицейских подразделений проходило на базе уже действовавших с первых дней немецкой оккупации Латвии так называемых «отрядов самообороны», которых было шесть, каждый численностью до 150 чел. Общее руководство ими осуществлял подполковник бывшей латвийской армии Вейс⁶⁸. За короткий срок, с сентября по октябрь 1941 г., было создано 26 полицейских батальонов, большая часть которых формировалась в Риге⁶⁹.

Некоторую часть латвийской полиции составили деклассированные элементы. Например, по свидетельству документов в Даугавпилсской префектуре из 227 сотрудников на 22.11.1941 г. насчитывалось 28 ранее судимых за различного рода уголовные преступления⁷⁰.

Вступившие принимали присягу на верность германскому военному командованию. Однако нарушение принципа добровольности немецкими оккупационными властями при отборе кандидатов сказалось в дальнейшем на боеспособности этих формирований.

В связи с тяжёлым положением немецкой армии после поражения под Москвой командование вермахта в начале 1942 г. по согласованию с высшим руководством «Айзсаргов» стало повторно⁷¹ готовить латышские полицейские батальоны для отправки на передовую и создавать новые полицейские подразделения и части. Таким образом был сформирован в конце апреля 1942 г. 281-й отдельный добровольческий рижский полицейский батальон, который был отправлен

на фронт под номером 881. Затем были сформированы 313, 282, 316-й и другие латышские полицейские батальоны, а также полицейский полк «Рига»⁷².

Архивные документы указывают на некоторые моменты формирования этих подразделений. Например, встречается много заявлений латышских граждан о принудительной мобилизации либо обмане при отправке. По показаниям пленных солдат из 15 пд СС (лат.) и 2 бр СС (лат.) в Риге в марте 1943 г. было распространено распоряжение начальника латвийских частей СС и полиции Вейса о необходимости явиться на призывные пункты всем мужчинам 1919–1924 года рождения⁷³. При них должны были быть личные документы, они должны были соответствующим образом одеты, иметь запас еды на один день. Тому, кто не повинуется этому распоряжению, говорилось в тексте, грозило наказание по законам военного времени⁷⁴.

По показаниям пленных солдат из этих формирований, а также 16-го, 313-го батальонов полицейского полка «Рига», при отправке на фронт немецкое командование заверило их, что они будут использованы только для несения гарнизонной службы по охране дорог, мостов, железнодорожных станций и т. п. А это, по мнению латышей, не являлось прямым сопротивлением частям Красной Армии, и потому они выбирали такой вариант службы в германской армии⁷⁵. Интересен тот факт, что немцы до конца не доверяли латышам и поэтому вооружали их устаревшим оружием французского образца с ограниченным количеством боеприпасов⁷⁶.

Каждый латышский полицейский батальон состоял из четырёх рот и в среднем насчитывал до 350–400 чел. Рядовой состав — в основном латыши, но в некоторых подразделениях имелось небольшое количество русских (уроженцев Латвии), украинцев и т. п. Командный состав (до командиров рот) был преимущественно латышским. Иногда батальоном командовал латыш, но при этом к нему для контроля непременно был приставлен немецкий офицер. Чаще всего офицеры-латыши привлекались на командные должности с большим понижением: взводом командовал капитан, ротой — майор. Всего в 41-м латвийском батальоне служило до 15000 чел.

Первоначально и достаточно малое время они использовались для обеспечения внутреннего порядка в Латвии. Но затем немцы стали привлекать так называемые «шума-батальоны» для борьбы с партизанами на Украине, в Белоруссии, а также «затыкали» ими брешу на передовых позициях в боях с Красной Армией. Из всех батальонов только один — № 20 — оставался в Риге и наряду с другими объектами нёс охрану еврейского гетто и Саласпилского концлагеря⁷⁷.

Однако действия этих подразделений, особенно на передовой, не удовлетворяли немецкое командование, прежде всего из-за недостаточной снаряжённости и плохой обученности личного состава.

Следует также сказать, что наряду с реструктуризацией полицейских батальонов создавались и охранные батальоны на основе призыва под видом работы в строительных подразделениях. Выбирать предлагали из двух «зол»: или работы в Германии, или службу в тылу немецкой армии. Зная по слухам, что в Германии жизнь для так называемых «гостевых рабочих» близка к каторжной, многие латыши выбирали работу в армейском тылу. Вместе с обмундированием и лопатой солдаты получали винтовки для самообороны.

Вот как свидетельствует об этом пленный Бауманис из 8-го Двинского пехотного полка: «В феврале 1942 г. я, как и другие безземельные крестьяне, получил извещение, что 1 марта должен в обязательном порядке явиться в г. Либаву для отправки на работы, причём можно было выбирать — или в Германию, или в тыл немецкой армии. Так как всегда говорили, что в Германии очень тяжёлые условия, я выбрал 21-й либавский батальон, причём сказали, и я был в этом уверен, что это именно рабочий батальон. В первые дни марта нас обмундировали в форму бывшей латвийской армии, выдали лопаты и винтовки. В течение марта нас обучали военному делу. На мой вопрос сержанту, почему нам выдали винтовки, если мы являемся рабочим батальоном, он ответил, что это распоряжение немецкого командования и что мы, вероятно, поедем работать на Украину»⁷⁸.

В марте 1942 г. 21-й либавский и 39-й охранный батальоны были отправлены на Восточный фронт в район Ленинграда. Численность каждого из них достигала к тому времени 450 чел.

Сформированные почти одновременно 16-й, 17-й и 19-й латышские батальоны уже частично комплектовались на основе призыва и первоначально предназначались для несения караульно-конвойной службы. Однако все они были отправлены на фронт: 16-й и 17-й батальоны зимой (в район озера Ильмень), 19-й — в мае.

В дальнейшем подобные латышские подразделения проходили кратковременное обучение военному делу, и их отправляли на советско-германский фронт.

В феврале 1942 г. на базе 16-го, 19-го, 21-го и 24-го «шума-батальонов» была создана 2-я механизированная бригада СС двухбатальонного состава, которая осенью 1942 г. была отправлена на Восточный фронт. Бригадой командовал немецкий офицер войск СС Шульц, командирами батальонов были полковник Лобе и подполковник Вейс⁷⁹.

После того как стало известно о решении Гитлера сформировать в Эстонии части СС, сторонники создания национальных вооружённых сил в Латвии во главе с генералом Р. Бангерским обратились с просьбой к Г. Лозе о согласии на формирование 100-тысячной латвийской армии. Личный посланник рейхсфюрера СС Г. Бергер провёл тщательное изучение политических взглядов и настроений ближайшего окружения Р. Бангерскиса и доложил

Гиммлеру, что последний подобным шагом хочет добиться прежде всего личных политических выгод. Вместо формирования какой-либо самостоятельной латвийской армии, он предложил сформировать латвийский легион в составе СС для борьбы с советскими партизанами⁸⁰.

Латыши, несмотря на то что, с точки зрения Гиммлера, не соответствовали арийским стандартам, могли стать достаточно надёжными союзниками для совместной борьбы против Красной Армии. Гиммлер представил соответствующее предложение Гитлеру и получил принципиальное согласие на формирование «Латвийского добровольческого легиона СС» (Lettische SS-Freiwilligen-Legion).

В качестве основы для будущего легиона Гиммлер выбрал четыре латвийских «шума-батальона» (16-й, 19-й, 21-й и 24-й), входивших тогда в состав 2-й механизированной бригады СС (2. SS-Infanterie-Brigade (mot.)), сражавшейся под Ленинградом⁸¹. 10 февраля 1943 г. Гитлер подписал официальный приказ о формировании латвийского легиона, где отметил, что его численность будет зависеть от наличия соответствующего человеческого материала.

Вынужденный реагировать на многочисленные обращения латвийских представителей, рейхсфюрер СС поставил перед Гитлером вопрос о предоставлении если не независимости, то хотя бы автономии прибалтийским народам на том основании, что в соответствии с Гаагской конвенцией 1897 г. всеобщая мобилизация несовместима со статусом оккупированной территории⁸². Гиммлер предложил предоставить Латвии суверенитет под протекторатом рейха. В феврале 1943 г. Гиммлера в этом вопросе поддержал и Розенберг, однако Гитлер 8 февраля 1943 г. проект категорически отверг.

По замыслу немецкого высшего военно-политического руководства латвийский легион с самого начала должен был стать наиболее крупным по численности из формирований подобного рода⁸³.

В конце февраля — начале марта 1943 г. началось формирование добровольческого латышского легиона СС. Несмотря на большую агитационную кампанию, дело провалилось. Тогда немцы вызвали повестками в полицейские участки мужчин 1919–1924 гг. рождения, и после медицинского осмотра лиц, признанных годными к службе, направляли по выбору кандидата: в латышский легион СС, в обслуживающий состав немецких войск, на оборонные работы⁸⁴. При этом в легион зачислялись только мужчины ростом не ниже 164 см⁸⁵. От призыва в легион освобождались занятые на заводах, выполняющих заказы немецкой армии и работающие в военизированных учреждениях (полиция).

После мобилизации мужского населения 1919–1924 гг. рождения Бергер в донесении к Гиммлеру от 15 апреля 1943 г. констатировал, что из запланированного 15-тысячного состава набрано только 2478 чел.⁸⁶ Остро ощущалась нехватка опытных во-

енных специалистов-инструкторов, а также казарм для новобранцев.

Гиммлер ради поддержания национального достоинства латышей принял решение предоставить ключевые командные должности в легионе латышам по рождению. 1 марта 1943 г. генерал Р. Бангерскис был назначен командиром, как указывалось в приказе, «1-й дивизии латвийского добровольческого легиона СС». Ему было присвоено звание бригаденфюрера и генерал-майора латвийского легиона. Этим же приказом полковник латвийской буржуазной армии А. Силгайлис был назначен начальником штаба этой дивизии с присвоением звания штандартенфюрера.

В конце марта, после того как Р. Бангерскис развернул активную работу по набору в формирующуюся дивизию, ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта латвийских войск. Одновременно он был назначен генеральным инспектором латвийского добровольческого легиона СС⁸⁷.

Для подготовки очередной мобилизации немцы распространили слухи о том, что будет создана суверенная Латвия во главе с избранным президентом. Кроме того, многих латышей прельщало то, что в легионе командирами предполагалось назначать латышей, то есть они попадали в чисто латышскую войсковую часть, плюс ко всему легионерам обещали существенное по отношению к другим гражданам Латвии преимущество в продовольственном и материальном обеспечении.

На деле оказалось, что командовал легионом немецкий генерал Хансен⁸⁸. Высший командный состав был представлен, за исключением двух упомянутых выше латышских генералов, немецкими офицерами. Средние командные должности в легионе занимали бывшие офицеры латвийской армии.

Легион строился по принципам немецкой армии, обмундирование было частично бывшей латвийской армии, частично войск СС. Вооружены легионеры были немецким, чешским, французским и румынским оружием⁸⁹.

Руководство Остланда продолжало создавать латышские воинские формирования под знамёнами легиона. Стало окончательно ясно, что понятие «латвийский легион» употребляется в качестве коллективного обозначения для всех латышей, проходивших службу в латвийских воинских формированиях, включая полицейские батальоны⁹⁰.

В течение весны 1943 г. и зимы 1944 г. немецким верховным командованием в Латвии были созданы 15-я и 19-я добровольческие дивизии. Они подчинялись командованию немецкой армии, их генеральным инспектором был назначен генерал Р. Бангерскис. Пополнение частей дивизий проводилось мобилизационным отделом при его штабе, а снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием шло по линии командования немецкой армии⁹¹.

Процесс формирования латышских дивизий практически поглотил все людские ресурсы легио-

на. Несколько улучшила ситуацию объявленная в декабре 1943 г. мобилизация мужского населения 1918–1922 гг. рождения.

Непосредственно в состав 15-й латышской «добровольческой» дивизии СС входили: штаб, 32-й, 33-й и 34-й пехотные полки, арtpолк, противотанковый батальон, дивизион ПВО, батальон связи, разведывательный и сапёрный батальоны. Командиром дивизии был назначен бригаденфюрер СС и генерал-майор латвийских войск СС К. фон Пюклер-Бурхваус⁹².

В состав 19-й латышской «добровольческой» дивизии СС входили такие же подразделения, что и в 15-ю дивизию, только нумерация полков была 42-й, 43-й и 44-й. Командовал дивизией генерал-майор Штрекенберг⁹³.

Остальной командный состав дивизии состоял из бывших офицеров латвийской армии, но при них находились немецкие офицеры связи. Пехотные

полки были трёхбатальонного состава. По штату в дивизиях числилось: личного состава 5000 чел., 420 автоматов, 250 ручных пулемётов, 55 станковых пулемётов, 25 противотанковых орудий, 17 орудий, 65 миномётов, винтовки и пистолеты⁹⁴.

Таким образом, процессу создания национальных воинских формирований в Латвии, Литве и Эстонии в составе вермахта и частей СС способствовали исторические, экономические и социально-политические предпосылки, основными из которых являлись: обострение социально-политической обстановки в связи со вступлением Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР; депортация части населения в восточные районы Советского Союза; крупное финансирование западными державами существующих профашистских режимов; увеличение доли немецкого представительства в административном аппарате; в целом профашистская ориентация лидеров Латвии, Литвы и Эстонии.

¹ Емельянов Ю. Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С. 33. (далее — Емельянов Ю. Большая игра...)

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 38.

⁴ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970. С. 14.

⁵ Емельянов Ю. Большая игра... С. 45.

⁶ Советская историческая энциклопедия: В 16-ти т. М., 1961–1976 гг. Т.11. С. 351.

⁷ Первая сессия Государственной думы Эстонии второго созыва. Стенографический отчёт. Таллин, 1940. С. 26.

⁸ Auten zur deutschen ausmartigen politik 1918–1945 (далее АДАР). Güttingen. 1981, Bd. 5. S. 384.

⁹ Емельянов Ю. Большая игра. С. 161.

¹⁰ Орлов А. С. СССР — Германия август 1939 — июнь 1941. М., 1991. С. 15.

¹¹ Орлов А. С. Третий Рим и «третий рейх». М., 1993. С. 161.

¹² Орлов А. С. СССР — Германия август 1939 — июнь 1941. С. 15.

¹³ Зюзин Е. Малоизвестные страницы войны. М., 1990. С. 27.

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 285. Л. 16.

¹⁵ Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence. Vol.1. P. 239.

¹⁶ АВП. РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 285. Л. 16.

¹⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 107.

¹⁸ Там же. С. 126–127.

¹⁹ История Эстонской ССР. Изд. 2-е. Таллин, 1958. С. 593.

²⁰ Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее ЦА ФСБ). Ф. 14. Оп. 5. Д. 1303. Л. 147.

²¹ Ионг Л. Немецкая «пятая колонна» во Второй мировой войне. М., 1958. С. 356.

²² Мартинсон Э. Слуги свастики. Таллин, 1962. С. 254.

²³ Янченков В. Пятая колонна // Труд. 1999, 25 июня. С. 6.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 932. Л. 2.

²⁶ Алов Г. Палачи. Военно-исторический журнал. 1990. №6. С. 23.

²⁷ Емельянов Ю. Большая игра... С. 191.

²⁸ Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945 гг. (Статьи, документы, воспоминания). Вып. 1. М., 1997. С. 19.

²⁹ Зюзин Е. Малоизвестные страницы войны. С. 30.

³⁰ Der Angriff auf die Sowjetunion. Fr./a. M., 1991. S. 1083.

³¹ Ионг Л. Немецкая «пятая колонна» во Второй мировой войне. С. 355.

³² Война в тылу врага. М., 1974. С. 434–435.

³³ Романичев Н. Сотрудничество с врагом. Очерки военной истории. В 4 т. М., 1999. Кн. 4. С. 154.

³⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1973. Т.3. Ч.1. С. 315–316.

³⁵ Там же. С. 336.

- ³⁶ Muller — Hillebrand B. *Das Heer, 1933–1945*. Fr./a. M., 1969. Bd 3. S. 19.
- ³⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 407. Оп. 9839. Д. 39. Л. 79.
- ³⁸ Howell E. *The Soviet partisan movement 1941–1944*. Washington, 1956. P. 85.
- ³⁹ Материалы по истории русского освободительного движения. М., 1997. С. 22.
- ⁴⁰ Hoffman J. *Die Ostlegionen 1941–1943*. Freiburg, 1976. S. 17.
- ⁴¹ Jbid. S. 18–19.
- ⁴² Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 432.
- ⁴³ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 224.
- ⁴⁴ Дробязко С., Карашук А. *Русская освободительная армия*. М., 1998. С. 7.
- ⁴⁵ Hoffman J. *Die Ostlegionen 1941–1943*. S. 24; *Der Angriff auf Sowjetunion*. S. 1257.
- ⁴⁶ Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 79.
- ⁴⁷ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Дневник военных действий верховного главнокомандования вермахта. Оп. 191. Д. 45. Л. 383–384.
- ⁴⁸ Newland S. *Cossacks in German army 1941–1945*. London, 1991. P. 58.
- ⁴⁹ Hoffman J. *Die Ostlegionen*. S. 55–56; Schulte T. *The German army and nazi polisies in occupied Russia*. Oxford. New, York-Munich, 1989. P. 163.
- ⁵⁰ Там же. P. 165.
- ⁵¹ Даллин А. *Немецкое господство в России 1941–1945. Исследование оккупационной политики*. Дюссельдорф, 1958. С. 229.
- ⁵² *Германский рейх и Вторая мировая война*. Штутгарт, 1988. Т. 5. С. 171.
- ⁵³ *Эстонский народ в Великой Отечественной войне*. В 2 т. Таллин, 1973. Т. 1. С. 444.
- ⁵⁴ Там же. С. 445.
- ⁵⁵ Thomas N. *Partisan Warfare 1941–1945*. Osprey Publ. Ltd. London, 1983. P. 16.
- ⁵⁶ Jbid. P. 17.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 15.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 451, Оп. 7. Д. 123. Л. 299.
- ⁵⁹ *The Baltic States*. P. 58.
- ⁶⁰ Thomas N. *Partisan Warfare 1941–1945*. P. 19.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 47.
- ⁶² ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1076. Л. 123.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 48.
- ⁶⁴ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Глав ПУРККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 8. Л. 427.
- ⁶⁵ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 17. Д. 146. Л. 49–51.
- ⁶⁶ *Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны*. Рига, 1970. С. 131.
- ⁶⁷ Bender R. I. and Tailor H. *Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS*. San Jose, Calif, 1986. Vol. 4. P. 83–84.
- ⁶⁸ Мюллер Н. *Вермахт и оккупация*. М., 1974. С. 153.
- ⁶⁹ Windrow M. *The Waffen-SS (Revised Ed)*. Osprey Publ. Ltd. London, 1989. P. 81.
- ⁷⁰ ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1076. Л. 146.
- ⁷¹ Первый латвийский «шума» — батальон был послан на Восточный фронт 16.10.1941 г.
- ⁷² Thomas N. *Partisan Warfare 1941–1945*. P. 43.
- ⁷³ За период гитлеровской оккупации всего призывалось 30 возрастов (1898–1928 гг.).
- ⁷⁴ ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 477. Л. 115–117.
- ⁷⁵ ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 6. Л. 195.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 17. Д. 146. Л. 64–65.
- ⁷⁸ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 7. Л. 575.
- ⁷⁹ Bender R. I. and Tailor H. P. *Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS*. P. 71–72.
- ⁸⁰ Windrow M. *The Waffen-SS*. P. 65.
- ⁸¹ Bender R. I. and Tailor H. P. *Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS*. P. 71–72.
- ⁸² Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 430.
- ⁸³ В Скандинавских странах подобные формирования создавались на батальонной основе, за исключением Датского легиона, насчитывавшего 3 батальона.

⁸⁴ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 156.

⁸⁵ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 72.

⁸⁶ Ibid. P. 75.

⁸⁷ Windrow M. The Waffen-SS. P. 64.

⁸⁸ Хансен командовал легионом вплоть до начала мая 1943 г. 15.5.43 г. он был командирован в Италию для руководства итальянским легионом СС.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 450. Л. 92–93.

⁹⁰ Windrow M. The Waffen-SS. P. 64.

⁹¹ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 70.

⁹² ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 158.

⁹³ Там же. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 87.

⁹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 161.

Подготовка и участие воинских формирований из представителей эстонского и латвийского населения в боевых действиях на Восточном фронте (1941–1945 гг.)

Идеологи германского фашизма ещё до нападения на Советский Союз разработали программу покорения народов Восточной Европы, по которой Литве, Эстонии и Латвии предстояло стать колониями Великой Германии. Большая часть населения Прибалтийских республик подлежала депортации.

Вместе с тем немцы собирались проводить её в Прибалтике, в отличие от других народов, «в более смягчённой форме, а именно как «добровольную» эмиграцию в Западную Силезию»¹.

В полном соответствии с общими директивами центральных учреждений гитлеровской Германии планы германизации и колонизации разрабатывались в стенах рейхскомиссариата «Остланд», под властью которого находилась оккупированная Прибалтика. Так, в «Принципах обращения с латышами» подчёркивалось: «Прибалтийские страны подлежат онемечиванию: из этого следует, что населяющие их народы частью должны быть ассимилированы, частью — эвакуированы на Восток»².

Однако до поры до времени оккупационные власти старались скрывать свои истинные намерения в отношении будущего латышей, литовцев, эстонцев. На этот счёт даже существовала секретная инструкция Геббельса от 15 февраля 1943 г., в которой, в частности, говорилось, что руководителям нацистской партии недопустимо, особенно в публичных речах и заявлениях, отзываться о «восточных народах» как о «животных», «варварах», категорически воспрещалось говорить о том, что Германия собирается основать на востоке колонии и вести колониальную политику, запрещалось также публиковать теоретические исследования по вопросу германизации, требования о высылке коренного населения и т.д.³.

Всё это диктовалось объективными условиями — общей политической обстановкой, положением дел на фронтах, возможностями получения из оккупированных областей дополнительных мате-

риальных и людских ресурсов. Расчёт на созданные марионеточные «органы самоуправления» в качестве эффективных распространителей демагогической пропаганды не оправдался и не приносил желаемых результатов. Поэтому уже в феврале 1942 г. Розенберг был вынужден выпустить декрет о наказаниях для населения Остланда. Однако и эта мера положения не улучшила.

Сохранился доклад начальника полиции безопасности и СД в «Эстланде» Зандберга Гиммлеру, в котором даётся достаточно объективная характеристика ситуации: «Влияние пропаганды, ведущейся эстонским самоуправлением, весьма ограничено. Причина этого заключается, с одной стороны, в том, что эту пропаганду считают подверженной немецкому влиянию, и, с другой стороны, в том, что у неё нет своей собственной идеологической базы»⁴.

Фашистские идеологи, особенно после Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, усилили антисоветскую пропаганду, пытаясь внушить коренному населению Литвы, Эстонии и Латвии, что гитлеровская армия на советско-германском фронте отстаивает «самостоятельность и независимость» этих государств, и поэтому так необходимо активное участие прибалтов в войне против Красной Армии в одном строю с немецкими солдатами.

Вот как, например, обращался к латышам руководитель германской службы безопасности и полиции обергруппенфюрер СС и генерал полиции Ф. Еккельн в газете «В.Р.» № 10 от 12.02.1942 г.: «Латыши! Великая Германия взяла в свои руки внутреннюю и внешнюю безопасность Вашей страны. И Вам, верным сынам своего народа, предоставляется возможность выполнить свои задачи...»⁵.

Для определённой части населения Прибалтики, действительно, было страшнее вернуться к периоду правления Советов, чем терпеть лишения оккупации. Кроме того, у большинства гражданского населения и личного состава национальных воинских формирований не меркла надежда на то, что, прогнав руками немцев советскую власть, они затем прогонят и самих оккупантов, опять обретя независимость⁶. И в этом

плане националистические организации вели усиленную работу на территории всей Прибалтики.

Например, в Латвии националистическая организация «Спасение Латвии» в конце сентября 1943 г. — в период активного формирования «добровольческого легиона» и 15-й «добровольческой» дивизии СС — распространяла среди жителей г. Риги следующее постановление латвийских национальных объединений: «Латыши! Воины, охрана, айзсарги, партизаны-националисты! Эта война началась в 1939 г., и с этого времени над Латвией нависла тень опустошения. 17 июня 1940 г. с момента вторжения в Латвию Красной Армии, руководимой выродками рода человеческого, эта тень, казалось, поглотит солнце.

Германия начала военные действия против России 22.6.1941 г., и латышские партизаны-националисты, не задумываясь, брались за оружие, громили Красную Армию. Но хотя они показали большое желание бороться, наш народ требовал мобилизации в национальную армию против ненавистного государства убийц, а что получил практически от германских руководителей? Ему преподнесли гаулейтеров, рейхскомиссаров и т. п. «фюреров».

Над Латвией вновь расстилается тень, на сей раз покорности судьбе, взаимного недоверия. Латыши! Излишне повторять замыслы красных негодяев, а также немцев о Латвии. Нам не по пути с «Новой Европой», так как доброта этой завуалированной дамы предназначена только для немцев.

Латыши! В эти грозные времена только большая сплочённость, любовь к отечеству и твёрдая воля являются нашей верной силой. Боже, благослови Латвию!»⁷.

Насаждаемая верховным немецким командованием идеология потерпела поражение не только среди гражданского населения, но и среди военнослужащих национальных воинских формирований.

Классовый состав сформированных национальных частей был неоднороден: наряду с антисоветскими и уголовными элементами определённая часть личного состава этих формирований состояла из заблуждавшихся или поставленных перед крайним выбором граждан. И если первые две категории ожесточённо боролись против Красной Армии, то среди последних росли пацифистские настроения, боязнь русского плена и нежелание помогать немцам в этой войне.

Двуличие идеологии лидеров третьего рейха проявлялось на всех уровнях власти, в том числе и среди военного командования и просто немецких солдат.

Унижение военнослужащих национальных воинских формирований начиналось со вступления их в ряды германской армии. Так, например, существовала стандартная для всех коренных представителей Остланда «Памятка для добровольцев», в которой говорилось буквально следующее:

«Доброволец должен соблюдать строгую дисциплину как при исполнении службы, так и вне её, беспрекословно подчиняться в выполнении приказов, быть непоколебимо верным и молчаливым; в разговорах с гражданскими лицами и добровольцами других частей ему запрещается затрагивать военные темы; удаление от своей части без разрешения — дезертирство и карается смертью; доброволец обязан активно участвовать в борьбе против большевистских шпионов; доброволец обязан носить знаки отличия»⁸.

Вместе с тем немцы пытались посеять национальную рознь среди военнослужащих Прибалтийских стран, выделяя, например, эстонцев и латышей из всей массы коллаборационистов, пренебрегая литовцами и другими национальностями. Это ярко подтверждает приказ верховного немецкого командования «Об отчислении из воинских частей германской армии солдат-власовцев» от 23 декабря 1943 г., в котором, в частности, сказано: «Принадлежащие к национальным воинским частям, зачисленные на длительное время в немецкую армию для несения вспомогательной службы (за исключением эстонцев, латышей и финнов) солдаты, виновные в каком-нибудь проступке или преступлении, или в неоднократном тяжёлом нарушении солдатской дисциплины и порядка, могут быть отчислены из немецкой армии. Приказ довести до рот всех армий»⁹.

На деле же немцы не доверяли никому. Привлекаемые гитлеровцами офицеры — латыши и эстонцы, как правило, получали назначение, как уже сказано выше, со значительным понижением. Кроме того, они должны были беспрекословно подчиняться немецким офицерам, даже младшим по званию. Так, например, 8 июля 1944 г. командир 2-го гренадёрского полка 19-й добровольческой дивизии полковник Плеснер за неподчинение немецкому обер-лейтенанту был предан немецкому военно-полевому суду¹⁰.

Немецкое командование пыталось всячески поддерживать высокий моральный дух легионеров, в частности, ведя среди них постоянную пропагандистскую работу. Однако чаще всего она не достигала цели, главным образом потому, что строилась на нагнетании страха у личного состава национальных формирований за совершённые проступки или их видимость.

Одним из идеологических приёмов немецкого командования было более либеральное отношение к членам буржуазных, националистических формирований. К ним чаще применяли материальное стимулирование, выплачивая денежное вознаграждение за несение охранной службы, за членство в этих формированиях, за убийство антифашистки настроенных людей. Например, при поимке советского парашютиста, партизана, коммуниста задержавший получал все средства задержанного или убитого, а также мог быть представлен к соответствующей медали¹¹.

Но с большинством «добровольно» мобилизованного в немецкую армию населения Прибалтики отношения у немцев так и не сложились. Взаимная

неприязнь сквозила во всём: позднее в ряде материалов-допросов немецких солдат и офицеров советскими органами безопасности было выявлено, что легионеры делились как бы на две группы: одни старались угодить немцам из страха, другие ненавидели немцев и не скрывали этого.

На политико-моральном состоянии солдат-прибалтийцев (особенно из крестьян) отрицательно сказывались информация о произволе, чинимом немецкими оккупантами в их сёлах и деревнях, а также попытки привлечь их самих для уничтожения земляков, пусть даже партизан.

Также практически во всех формированиях росло недовольство из-за явного обмана: насильственной посылки на Восточный фронт вместо охраны и защиты своих границ.

Нередко между немецкими военнослужащими и представителями национальных воинских формирований возникали ссоры, драки, а в конце августа 1943 г., например, в г. Долессала, в 8 км юго-восточнее г. Риги, между добровольцами из латышского легиона СС и немцами произошло вооружённое столкновение, в результате которого было убито 54 латыша и 24 немца¹².

В результате понижения политико-морального состояния «легионеров» уже в первые дни наступления наших войск были отмечены случаи индивидуальной и групповой сдачи солдат-прибалтийцев в плен Красной Армии. Так, 12 января 1944 г. в районе западнее Невеля сдалась в плен большая группа солдат-латышей во главе с командиром взвода, а из двух пограничных эстонских полков за время с 10.5. по 17.6.1944 г. дезертировало 400 солдат¹³. В феврале 1944 г. О. Данкер отдал указание об образовании особого военного суда для рассмотрения дел дезертиров.

Немецкое командование незамедлительно отреагировало на обстановку по всем инстанциям. В 15-й добровольческой дивизии СС был издан приказ по латышской дивизии «О борьбе с дезертирством» за № 161/44 от 31.3.1944 г. В нём сказано, что количество отлучек солдат без разрешения в дивизии возросло, а это требует принятия жёстких мер для их пресечения. Поэтому каждому командиру вменялось в обязанность в случае дезертирства или трусости подчинённых принимать самые суровые меры и виновных расстреливать¹⁴.

Не надеясь на стойкость легионеров, находящихся на передовой, немцы выставляли у них в тылу заслоны из немецкой полевой жандармерии. При этом меры пресечения дезертирства легионеров, как и было обещано, были самые жестокие. Так, на дороге Опочка — Водобежка 10.7.1943 г. немецкий жандармский патруль задержал 25 латышей-дезертиров. Начальник заслона приказал им построиться, затем выйти из строя десятому и двадцатому. Они немедленно были расстреляны, а остальные предупреждены, что если они попытаются ещё раз уйти, то расстреляют уже всех¹⁵.

Наконец, ввиду ненадёжности солдат-легионеров их целыми подразделениями вливали под видом «приобретения боевого опыта» в немецкие части. В 83-ю немецкую пехотную дивизию, например, было направлено пять рот из 15-й добровольческой латышской дивизии СС¹⁶. Прибывших немецкий офицер построил и сказал, что они присланы для приобретения боевого опыта, будут находиться здесь вместе с немецкими солдатами, слушать их и делать всё так, как делают немецкие военнослужащие. Как вспоминают пленные латыши из 83-й пехотной дивизии, в отделениях было по 10 немцев и 3 латыша, причем латышей даже не ставили одних на посты, а только вместе с немцами¹⁷.

Следует отметить, что фашистская пропаганда усиленно внушала легионерам страх расплаты за совершённые ими вместе с немцами злодеяния. При этом в распространяемых среди легионеров листовках говорилось, что русские подвергают пленных пыткам, выкалывают легионерам глаза, вырывают ногти и т. д. Это вызывало естественный страх и удерживало часть солдат-прибалтийцев от дезертирства.

Несмотря на подобные факты, свидетельствующие о нежелании многих представителей Прибалтики воевать на стороне Гитлера, необходимо отметить, что значительная их часть, особенно полицейские, сражалась против войск Красной Армии упорно и ожесточённо. Многие свидетельства советских партизан, солдат и офицеров подчёркивают при этом хорошую обученность легионеров.

Немецкое командование уделяло вопросам боевой подготовки солдат, унтер-офицеров национальных прибалтийских воинских формирований достаточно серьёзное внимание, при этом не ослабляя контроля и создавая условия для мгновенной реакции на любые негативные ситуации.

Верховным командованием вермахта был разработан ряд документов по вопросам подготовки коллаборационистов. Например, в «Основных направлениях по обучению добровольных помощников» от 19.6.1943 г. говорилось о том, что обучение добровольцев проводится с целью подготовки их в качестве надёжных соратников в борьбе с большевизмом, поэтому при отборе добровольцев в лагерях и др. местах их необходимо собирать вместе, представляя им соответствующий персонал для надзора и преподавателей (в том числе и переводчиков); затем на территориях, занимаемых немецкими дивизиями, создавать учебные роты (не более двух), с тем чтобы дивизионное командование само регулировало все вопросы, связанные с подготовкой новобранцев и их дальнейшим распределением по частям¹⁸.

Для облегчения обучения необходимо иметь литературу и пособия на двух языках, планирование занятий должно проходить как минимум за четыре недели до начала обучения, а в течение всего подготовительного срока «добровольцам» обеспечивать максимальную учебную нагрузку. Там же сказано,

что на содержание учебных программ могут влиять различия в составе и оснащении, численности учебного персонала, положение противника, потребность в добровольцах при немецких войсках¹⁹.

Для дифференцированного подхода к процессу обучения предполагаемые местные вспомогательные силы, как называли их сами немцы, делились на: добровольных помощников («хиви»), службу порядка («оди»), шуцманшафтов («шума»), полицейские и оборонные команды помощников в общинах («гема»). При этом в подготовке учитывалось их дальнейшее назначение и характер возлагавшихся на них задач. Так, хиви предполагалось использовать для выполнения служебных заданий в войсках. Они должны были нести охранную и индивидуальную службу, а полицейские в общинах предназначались для помощи бургомистрам и начальникам районов в решении задач местного значения. Оборонные команды помощников предполагалось применять только в экстренных случаях: при появлении «банд» для местной обороны, для борьбы с «бандитами» в своём районе, а обычно они должны были заниматься хозяйственной деятельностью²⁰.

Для качественной подготовки национальных прибалтийских формирований немцы создали целую сеть учебных лагерей, баз, при этом использовались как оккупированные территории, так и собственно германские земли.

На территории Польши в Травниках (Люблинское воеводство) был создан учебный лагерь, где проходили обучение литовские и латышские националисты, которые впоследствии использовались немецким командованием для вспомогательной службы в СС и полиции, в качестве охранников и надзирателей в концлагерях, при усмирении деревень, ликвидации гетто и т.д.²¹. В Польше же, у местечка Дембица, что под Краковом, находился учебный лагерь, состоявший из 100 бараков, в каждом из которых размещалось от 70 до 80 чел. Здесь проходили обучение будущие военнослужащие добровольческого эстонского легиона. После трёх месяцев учёбы солдаты принимали присягу и отправлялись в строевые части войск СС. Наиболее достойные унтер-офицеры и офицеры бывшей эстонской армии направлялись на офицерские курсы во Франкфурт-на-Одере. Там после четырехмесячного дообучения они отправлялись в уже сформированные эстонские части и принимали на себя командование различными подразделениями. Кроме указанных, офицерские учебные школы для латышей и эстонцев существовали в Чехии (г. Бенешау) и Голландии²². Первый выпуск был в апреле 1944 г.

Как показали архивные документы, в учебных центрах и лагерях «добровольцев», как правило, обучали строевой подготовке, тактике (действия солдата в бою), ведению карательных операций против партизан, а также осуществлению документального контроля (жандармерия). Примечательным

был тот факт, что в лагерях оружие добровольцам в постоянное пользование не давали, а только для учебных целей.

В г. Фюрстенберг (Германия) находилась школа по подготовке национальных кадров для полиции безопасности, в которой в течение четырех месяцев обучались наиболее достойные, с точки зрения немцев²³. Затем выпускники отправлялись в подразделения полиции на всей территории Остланда. Кроме этих центров подготовки легионеров, в г. Нойхаммер (Германия) находился учебный лагерь для переподготовки выводимых с фронта подразделений. Так в сентябре–октябре 1944 г. в этом лагере проходила переподготовку 3-я эстонская пехотная бригада СС, ставшая после обучения и пополнения 20-й эстонской дивизией СС.

Иногда для кратковременной переподготовки, особенно военнослужащих охранных батальонов, использовались непосредственно территории Остланда. Латышские батальоны охраны частично проходили обучение в местечке Болдерес, в казармах сапёрного полка бывшей латвийской буржуазной армии. В Латвии же, недалеко от местечка Палкакс, существовал учебный лагерь для подготовки добровольцев в 15-ю и 19-ю дивизии СС²⁴. По воспоминаниям бывших её солдат, взятых в плен частями Красной Армии, обучение длилось в течение двух месяцев, затем их распределяли по немецким ротам на передовой.

Существовала и такая форма доподготовки, как направление в действующие на передовой немецкие части или в пограничные учебные полки. Там в течение трех недель проходило ускоренное обучение легионеров. Основными предметами на так называемых «курсах» были уставы, строевая подготовка. Затем за два дня до отправки курсантам давали оружие и направляли обратно в часть.

Широко использовался немецким командованием метод поощрения за хорошую учёбу: присвоение унтер-офицерских званий бывшим рядовым, особенно уже повоевавшим на фронте, отправка их в национальные части на должности командиров отделений и т.д.²⁵.

Такая организация обучения будущих и действующих военнослужащих прибалтийских национальных воинских формирований позволяла немецкому командованию с определённой эффективностью использовать латышские, эстонские подразделения, части и соединения на Восточном фронте, в карательных операциях против партизан и мирного населения, для работ в тылу своих войск.

Ухудшение положения на Восточном фронте и в собственном тылу (в связи с ростом партизанской войны) вынудило высшее военно-политическое руководство Германии сформировать, а затем и применить в боевых условиях различные прибалтийские воинские формирования в составе немецких вооружённых сил и войск СС.

После начала оккупации Эстонии в августе 1941 г. по приказу фельдмаршала фон Лееба командующий 18-й немецкой армией генерал-полковник Кюхлер создал полицейские эстонские батальоны, основу которых составили члены военно-фашистской организации «Омакайтсе» и бывшие сотрудники полиции Эстонии. В августе-сентябре 1941 г. было сформировано 6 таких батальонов (с № 181 по № 186).

Осенью 1942 г. в результате боёв с частями Красной Армии число батальонов уменьшилось, их остатки были объединены в три батальона: № 658 (командир — капитан А. Ребане), № 659 (командир — капитан И. Соодла) и № 660 (командир — майор Элран)²⁶. Однако затем 659-му и 660-му батальонам были поставлены задачи по участию в карательных операциях против советских партизан на территории Белоруссии, и они были выведены с передовой.

На советско-германском фронте из эстонских воинских формирований оставались до ноября 1943 г. лишь 658-й батальон и батальон «Нарва», созданный из числа эстонских легионеров, прошедших обучение на территории Польши.

До конца 1942 г. батальоны участвовали в боях против частей Красной Армии на территориях Ленинградской и Псковской областей.

В начале 1943 г. батальон «Нарва» вошёл в состав немецкой дивизии «Викинг» и был направлен в район Курска, где был разбит. А 658-й батальон продолжал участвовать в боях на Нарвском участке советско-германского фронта и на побережье Чудского озера, где понёс большие потери²⁷.

В ноябре 1943 г. на базе остатков упомянутых батальонов и за счёт пополнения новобранцами из лагеря подготовки легионеров в г. Дембице немецким командованием группы армий «Север» была сформирована 3-я эстонская добровольческая бригада СС под началом оберфюрера Аугсбергера, немца по национальности. Она состояла из двух батальонов, в каждом из которых было по 4 роты: три стрелковые и одна тяжёлого оружия. Кроме командира бригады, все остальные командные должности в подразделениях занимали эстонцы.

Бригада первоначально была направлена в район г. Невеля и Себежа для участия в боевых действиях против Красной Армии. Однако реально до конца декабря 1943 г. она участвовала в карательных операциях против советских партизан и мирных жителей на территории БССР²⁸, и лишь в январе 1944 г. под командованием уже генерала Аугсбергера была вновь переброшена на нарвский участок фронта, где вела ожесточённые бои с советскими войсками, в том числе и с частями эстонского стрелкового корпуса Красной Армии в районе г. Рандере. Вместе с тем многие военнослужащие эстонской национальности старались дезертировать, не желая дальше воевать за победу Германии. Так, в ходе отступления группы армий «Север» из Эстонии в сентябре 1944 г. в донесении начальнику генерального штаба сухопутных войск вермахта Гу-

дериану о состоянии дел на фронте командующий группой армий «Север» Шернер сообщал: «Сегодня в районе Тарту значительными силами наступление началось. Фронт безнадежно разбит. Кое-что можно сделать, но эстонцы разбежались, это никуда не годится, они просто расходятся по домам»²⁹. Ещё одним примером резкого снижения политико-морального состояния военнослужащих эстонской бригады может служить замечание начальника оперативного отдела штаба группы армий «Север», высказанное им начальнику оперативного отдела генерального штаба вермахта при обсуждении плана вывода немецких войск с территории Эстонии. Он, в частности, заметил следующее: «Солдаты 3-й эстонской бригады СС не имеют должного желания сопротивляться. Следует реорганизовать эстонские части и ввести их в состав немецких механизированных частей. По крайней мере тяжёлое оружие должно находиться в руках немцев и надежных эстонцев»³⁰.

В этих тяжёлых и продолжительных боях 3-я эстонская добровольческая бригада понесла большие потери, её остатки в сентябре 1944 г. были отправлены в учебный лагерь в г. Нейхаммер (Германия). Через месяц оттуда ушла на фронт 20-я эстонская добровольческая дивизия СС, составленная из остатков бригады, участников эстонских полицейских батальонов № 23, 30, 33, 35, 37, 41, 42, 44, 187, 192, 282, 286, 289 и членов организации «Омакайтсе» под командованием генерала Аугсбергера³¹.

До января 1945 г. части дивизии участвовали в боях в Восточной Пруссии. 13 января 1945 г. дивизия в полном составе была направлена в район г. Виттенберг (Германия), где вместе с другими немецкими частями была окружена войсками Красной Армии. Во время этих боёв генерал Аугсбергер был убит, и вместо него назначен подполковник А. Ребане.

С боями дивизия вышла из окружения и затем отступила на территорию Чехословакии. 11 мая 1945 г. под г. Мельник, недалеко от Праги, дивизия сдалась частям Красной Армии³². После капитуляции вермахта многие уцелевшие военнослужащие дивизии ушли на запад, к англичанам, другие вошли в состав подпольных националистических вооружённых формирований, действовавших против советской власти на территории Эстонии уже после Великой Отечественной войны вплоть до 1951 г.

В Латвии многие латыши, стремясь во что бы то ни стало воспрепятствовать возвращению советских войск на территорию своей республики, присоединились к немецким войскам в их «крестовом походе против большевиков». Около 166 тыс. латышей в той или иной форме принимали участие в боевых действиях против Красной Армии на стороне вермахта. При этом большая часть их стала членами латвийских СС.

Первый латвийский «шума»-батальон был послан на Восточный фронт 16 октября 1941 г. Однако уже 22 октября вместе с другими латвийскими подразделениями был выведен с фронта из-за

неудовлетворительной снаряжённости, плохой обученности личного состава и больших потерь³³. В ноябре 1941 г., по разным источникам, в госпиталях Риги находилось около 500 раненых латышских солдат из полицейских батальонов. После неудачных боёв полицейские подразделения латышей через некоторое время были заменены немецкими армейскими подразделениями и частями.

Тяжёлые потери, которые немецкая армия понесла в ходе зимнего (1941–1942 гг.) контрнаступления Красной Армии под Москвой, вынудили Гитлера передать полицейские латвийские подразделения германскому военному командованию в качестве резервных подразделений. В последующем ими «затыкали» бреши на передовой.

Первое боевое крещение 15-я добровольческая латвийская дивизия СС, созданная в марте 1943 г., вошедшая в состав 16-й армии (группа армий «Север»), получила в ноябре 1943 г., когда была срочно переброшена на северный участок Восточного фронта с задачей задержать наступление советских войск на невельском направлении³⁴.

Наступление частей Красной Армии началось 18 ноября 1943 г. Латвийские подразделения 15-й дивизии оказали им достаточно серьёзное сопротивление и после больших потерь в декабре того же года были вновь переформированы в национальную дивизию (в составе немецкого 33-го армейского корпуса) для удержания обороны по рубежу Пустошка, Новосокольники. Затем на протяжении января 1944 г. дивизия вела тяжёлые оборонительные бои в районе Пскова³⁵.

В начале февраля 1944 г. дивизия, оставив 34-й и часть 33-го пехотного полка в составе 6-го корпуса СС (16-я армия) под Новосокольниками, была переброшена на северо-восток к г. Белебел, расположенному в 30 км к югу от Старой Руссы. Здесь она вошла в состав 10-го армейского корпуса (16-я армия)³⁶.

На невельском направлении дивизия вела оборонительные бои вплоть до 15 февраля 1944 г. Двумя днями позже командование дивизии принял оберфюрер СС Н. Хейлманн, бывший начальник штаба 6-го корпуса СС, отдавший приказ об отступлении.

В течение последующих 10 дней дивизия вела тяжёлые арьергардные бои, откатившись от рубежа Полист, Чикачево вплоть до г. Новоржева.

Потери дивизии были огромны. И лишь её остаткам удалось добраться к 28 февраля до оборонительной позиции (так называемая «позиция «Пантера»), образованной вдоль берега р. Великой, в 40 км к югу от г. Остров. На этой позиции 15-я дивизия, собрав остатки собственных 33-го и 34-го пехотных полков у Новосокольников, соединилась с 19-й латвийской дивизией СС и отдельными подразделениями, влившимися в своё время в состав 6-го корпуса СС³⁷.

Две латвийские дивизии впервые за весь период боёв объединились. Здесь они удерживали 30-километровый оборонительный рубеж Новый путь,

Пушкинские горы вдоль р. Великой. Как свидетельствуют боевые сводки, латыши оказывали ожесточённое сопротивление возобновившемуся наступлению советских войск.

В марте 1944 г. 15-я и 19-я дивизии вошли в состав 6-го корпуса СС, который в свою очередь был включен в состав 18-й армии (группа армий «Север»). В период между 4 по 12 марта она удерживала позиции по берегу р. Великой к северу от г. Остров и Псков³⁸.

26 марта советские войска возобновили наступление к северу от г. Опочки, и 15-я дивизия СС была переброшена в этот район, где вела боевые действия до 11 апреля включительно.

16 апреля части дивизии отошли вместе с другими соединениями в направлении Кудевера, Бардово, в 50 км к юго-востоку от Опочки. Дивизия вела в этом районе позиционные бои вплоть до 21 июня 1944 года³⁹.

В то время как 15-я дивизия вела ожесточённые бои, в Берлине решался ряд вопросов, касающихся её предназначения и основных структурных компонентов. Ещё в мае было решено, что основным соединением из двух латвийских дивизий, входящих в состав 6-го корпуса СС, станет 19-я дивизия СС. Поэтому в ходе происшедшей перенумерации полки 19-й дивизии получили обозначения «латвийские № 1 и 2», а полки 15-й дивизии — «латвийские № 3, 4 и 5».

В июне 1944 г. наименование «добровольческая» (Freiwilligen) для 15-й дивизии было заменено на «Waffen», обозначавшее её принадлежность к иноподчинённым формированиям. Соответственно, полное наименование 15-й дивизии звучало теперь так: «15. Waffen-Grenadier-Division der SS (lettische Nr. 1)». Её пехотные полки получили обозначение Waffen-Gren.-Rgt. 32 (латв. № 3), 33 (№ 4) и 34 (№ 5)⁴⁰.

13 июня 1944 г. на основании приказа оккупационных властей всех потенциальных офицеров «Ваффен-СС» отправили из Латвии в специальную школу СС в г. Бад-Тольце для обеспечения непрерывной замены офицерского состава двух латвийских дивизий СС. Однако отсутствие необходимого количества казарменных помещений и неудовлетворительное снабжение стало причиной массового дезертирства среди латышских гренадеров.

Наступление советских войск в июле 1944 г. вынудило командование группы армий «Север» отдать приказ на отход к латвийской границе.

21 июля командование 15-й дивизией принял оберфюрер Г. фон Обврзер⁴¹. Состояние дивизии было плачевным как по укомплектованности (она была почти полностью уничтожена под г. Остров), так и по оснащённости необходимым вооружением. Тем не менее после германской инспекции 15-й дивизии выяснилось, что, несмотря на огромные потери, кадровый состав её во многом уцелел. В связи с этим было принято решение о выводе дивизии в тыл для последующего переформирования. Часть кадрового состава была передана 19-й дивизии, ко-

торая к этому времени входила в состав 18-й армии группы армий «Север». Исключение было сделано для хорошо сохранившегося артиллерийского полка, который остался воевать на Восточном фронте в составе 6-го корпуса СС 18-й армии группы армий «Север».

В середине августа кадровый состав 15-й дивизии был переброшен в г. Кёниц, в военно-тренировочный лагерь «Западная Пруссия». Там же был собран и личный состав, предназначенный для пополнения 15-й, 19-й латвийских и 20-й эстонской дивизий.

23 июля 1944 г. фон Ф. Еккельн, получив расширенные полномочия от Г. Лозе в праве на мобилизацию местного населения, отдал приказ об обязательном призыве латвийской молодёжи в возрасте 18–19 лет. Мужчины 1919 г. рождения, согласно этому приказу, утрачивали право на отсрочку. Кроме того, приказ обязывал явиться на сборные военные пункты в г. Лиепая всех кадровых офицеров и офицеров резерва 1906–1918 г. рождения⁴².

8 сентября 1944 г. был отдан приказ о переформировании 15-й дивизии под командованием оберфюрера СС фон Обвурзера.

Численность личного состава, размещённого в г. Кёнице, позволила сформировать дополнительно 5 батальонов 4-ротного состава к августу 1944 г. Однако, как никогда, остро встал вопрос о нехватке вооружения для этих подразделений, что не позволило сделать их полностью боеспособными. В конце концов немецкое командование было вынуждено сформировать соединение на трёхполковой основе.

Боевой состав перереформированной 15-й дивизии отличался от первоначального во многих отношениях: наиболее существенным стал перевод пехотных полков с двух- на трёхбатальонный состав.

В то время, как шёл процесс перереформирования 15-й дивизии, советские войска в завершающие месяцы 1944 г. продолжали наступление в Латвии, в результате которого в середине октября 1944 г. была освобождена Рига. Однако немецкая группировка (в её составе была 19-я латвийская дивизия СС) продолжала удерживать оборонительные позиции в Курляндии.

Боевое слаживание 15-й дивизии так и не было в полной мере завершено, когда началось январское 1945 г. наступление советских войск. Германские войска постепенно откатились к г. Кёницу, и слабоподготовленная 15-я дивизия была введена в бой в качестве резерва.

20 января 1945 г. 15-я дивизия СС в составе 3-й танковой армии вела оборонительные бои в районе Шлауфензее, Накель, Иммеенхейм, Вансбург (Западная Пруссия). 26 января в г. Накеле командир дивизии фон Обвурзер был взят в плен. Его обязанности были возложены на оберфюрера СС А. Акса⁴³.

Раненые и больные солдаты 15-й дивизии отправлялись в г. Кёниц. Отсюда они были эвакуиро-

ваны вместе с частью прибалтийских полицейских подразделений в г. Данциг (Гданьск) и г. Пилау (Балтийск). Те из них, кто сохранил возможность держать оружие, приняли участие в ожесточённых боях за удержание этих портов, через которые проходила основная эвакуация остатков немецкой северной группировки. Некоторым военнослужащим 15-й латвийской дивизии удалось уйти, к примеру, одна из прибалтийских команд без потерь добралась до Дании, но большинство легионеров сдались наступающим советским войскам⁴⁴.

Те, кто смог избежать плена, в конце января были сосредоточены немецким командованием на рубеже Вилькенсвальде, Флатов, где в начале февраля 1945 г. велись позиционные бои в районе г. Ястров.

В период между 3 и 5 февраля остатки 15-й дивизии сражались у г. Фледерборн, с 10 по 13 февраля под временным командованием оберфюрера СС К. Бурка ожесточённо оборонялись в районе г. Камин. Вплоть до 24 февраля шла череда бесконечных отступлений: Петерсвальде, Долмслафф, Хаммерштайн, Шпарзее, Дебель, Вюстербарт и далее⁴⁵.

24 февраля дивизия на пути отступления оставила Бад-Пользин, Неммин, Гейглиц, Зедлин и Дивенов. Затем отдельные ее подразделения были приданы боевым группам СС (SS-Kampfgruppen)⁴⁶.

На протяжении февраля–марта 1945 г. части дивизии последовательно входили в состав 18-го горного армейского корпуса, корпуса «Теттау» 3-й бронетанковой армии из группы армий «Висла» и 2-й армии той же группы армий. 14 марта 1945 г. разрозненные части дивизии оказались в г. Свиенмюнде, откуда к 25 марта они были переброшены в г. Нойбранденбург.

Немецкое командование планировало к 15 апреля после краткого отдыха в Померании привести 15-ю дивизию в боевую готовность. Но уже 4 апреля дивизии было приказано соединиться с 19-й дивизией в Курляндии. Её численный состав к этому времени насчитывал 250 офицеров и 8 тыс. солдат.

19 апреля дивизия в составе боевой группы, состоящей из двух полков, под командованием штандартенфюрера СС В. Янумса (до этого командира 33-го пехотного полка) была переброшена на берлинское направление, в район г. Фюрстенберга, к югу от немецкой столицы.

20 и 21 апреля дивизия несколько раз входила в боевое столкновение с советскими войсками в г. Экнер, Буххорст и Ной-Циттау. Затем она выдвинулась к юго-западу от Берлина в направлении г. Гутергольц⁴⁷.

27 апреля оставшиеся подразделения и части дивизии сдались в плен американскому командованию в г. Гютерглюк, в 6 км от р. Эльбы.

Подразделения дивизии, которые не вошли в состав боевой группы, оставаясь на другом участке фронта, сдались в начале мая частям Красной Армии под г. Нейрупин.

Боевой путь 19-й латвийской дивизии начался в ноябре 1943 г. Из состава 39-го и 40-го латышских добровольческих полков была создана 2-я латвийская добровольческая бригада. Она стала впоследствии базовой для формирования 19-й латвийской дивизии СС. 2-я латвийская добровольческая бригада СС участвовала в боевых действиях против частей Красной Армии с ноября 1943 г. по 18 января 1944 г. на различных участках группы армии «Север». Затем 1 марта 1944 г. на автомашинах бригада была переброшена в полном составе в район северо-западнее Пушкинских гор, где заняла оборону по рубежу Кустово, Сопроково, сменив 21-ю легкую пехотную дивизию немцев.

В период с 16 по 19 марта 1944 г. бригада вела ожесточённые оборонительные бои, прикрывая отход немецких войск на участке Танды, Позолотино.

В середине марта 1944 г. бригада получила название 19-й латышской дивизии СС, и уже 26 марта в связи с прорывом ее оборонительной полосы участок обороны 39-го пехотного полка дивизии был расширен, а 40-й пехотный полк переброшен на западный берег р. Великой⁴⁸. В ходе апрельских оборонительных боёв, понеся большие потери, части дивизии были отведены для отдыха и пополнения⁴⁹. После этого в начале мая 1944 г. 19-я латвийская добровольческая дивизия СС вновь была переброшена из района северо-западнее Пушкинских гор на опочкинское направление, восточнее населённого пункта Кудеверь. Но и здесь, несмотря на упорное сопротивление, она долго не удержалась: потеряв до 5 тыс. убитыми и ранеными, в июле 1944 г. она была выбита с занимаемых позиций и отброшена в район г. Опочки, а оттуда остатки дивизии были выведены на доукомплектование в районы г. Лубана и Мадона, где и находились до августа 1944 г.⁵⁰. В середине августа части дивизии были переброшены на первую линию немецкой обороны в районе северо-восточнее Мадоны.

В сентябре и октябре 1944 г. дивизия под ударами частей Красной Армии с упорными боями отходила на запад. За время оборонительных боёв в районах г. Сунтажа, Рига и юго-восточнее Тукумса части дивизии потеряли до 6 тыс. чел. убитыми и ранеными.

В октябре и ноябре свыше 2 тыс. чел., мобилизованных в запасные латвийские части, пополнили её состав. В декабре дивизия оборонялась на тукумском направлении, в районе юго-восточнее г. Джуксте (на 1 декабря она состояла из 4700 чел.). Командиром 19-й латышской дивизии СС в то время был генерал-лейтенант Штреккенбах, командиром 42-го пехотного полка — подполковник Гаудыньш, 43-го пехотного полка — полковник Лобе, 44-го пехотного полка — полковник Капиньш, 19-го артиллерийского полка — майор Гравелис⁵¹.

В 1945 г. дивизия разделила судьбу терпящей окончательное поражение немецкой армии. 8 мая 1945 г. в 13.45 в расположение командного пункта 19-й латышской дивизии СС прибыл командир 6-го армейского корпуса СС генерал Крюгер и доставил приказ за подписью генерала Гильберга (командующего Курляндской группировкой) о прекращении боевых действий⁵². 8 мая в 16:00 над боевыми порядками дивизии появились советские бомбардировщики, и к 20.00 8 мая 1945 г. 19-я латышская дивизия как войсковая единица перестала существовать⁵³. Упомянутый выше командир 19-й дивизии СС группенфюрер СС Штреккенбах пытался избежать возмездия, переодевшись в мундир унтер-офицера, но, спустя две недели, был разоблачен⁵⁴.

Согласно данным Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации с 9 по 12 мая 1945 г. в имении Плани у р. Амула личный состав 19-й пехотной дивизии СС был разоружен частями 130-го латышского стрелкового корпуса Красной Армии. В общей сложности в плен сдалось 1477 человек (16 офицеров, 170 унтер-офицеров, 1291 солдат) из латышской дивизии «Ваффен-СС»⁵⁵.

¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 278.

² Там же. С. 279.

³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 282.

⁴ Мартинсон Э. Слуги свастики. С. 254.

⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 173.

⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 49.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 115. Л. 37–39.

⁸ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 93.

⁹ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 6. Л. 384.

¹⁰ Рассказ гренадёра. Родник. 1990. № 3. С. 63.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 8.

¹² ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУ РККА. 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 8. Л. 267.

¹³ Там же. Л. 269.

¹⁴ Там же. Л. 267.

¹⁵ Там же. Д. 9. Л. 149.

¹⁶ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 12.

¹⁷ ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУ РККА. 7-1 отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 9. Л. 150.

- ¹⁸ Война Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. Документальная экспозиция. Берлин, 1992. С. 143.
- ¹⁹ Там же. С. 143–144.
- ²⁰ Там же. С. 142.
- ²¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 286.
- ²² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 47.
- ²³ Там же. Л. 117.
- ²⁴ Там же. Л. 117–118.
- ²⁵ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 17. Д. 153. Л. 354–355.
- ²⁶ РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. 149. Л. 145.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 66.
- ²⁸ Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. P. 21–22.
- ²⁹ Калво А. Изгнание фашистов из Южной Эстонии. Таллин, 1976. С. 193.
- ³⁰ Там же. С. 196.
- ³¹ Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. P. 21–22.
- ³² Ready J. Lee. The Forgotten Axis. Germany's Partners and Foreign Volunteers in World War II. Jefferson, North Carolina and London, 1987. P. 491.
- ³³ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 71–72.
- ³⁴ Ibid. P. 16.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 85–87.
- ³⁷ Windrow M. The Waffen-SS. P. 14.
- ³⁸ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 86.
- ³⁹ Там же. Л. 87.
- ⁴⁰ Windrow M. The Waffen-SS. P. 44.
- ⁴¹ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 42–44.
- ⁴² Ibidem.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of Waffen-SS. P. 172.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ Ibidem.
- ⁴⁷ Ibid. P. 42–44.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 12.
- ⁴⁹ Зюзин Е. Малоизвестные страницы войны. М., 1990. С. 38–39.
- ⁵⁰ Zee Ready. P. 368.
- ⁵¹ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 113. Л. 16.
- ⁵² Там же. Ф. 500. Д. К-99476. Л. 44. С. 104.
- ⁵³ Там же. Ф. 40. Оп. 16. Д. 113. Л. 18–19.
- ⁵⁴ Советская Эстония, 1965. 15 апреля.
- ⁵⁵ ЦА МО РФ. Ф. 130-го ЛСК. Оп. 156719. Д. 9. Л. 141.

Использование немецким командованием эстонских и латвийских формирований в карательных акциях против советских граждан в 1941–1945 гг.

В Эстонии с приходом немецких оккупантов вышли из подполья члены военно-фашистской организации «Омакайтсе», бывшие полицейские и т. п. Из них, как указывалось выше, были сформированы полицейские батальоны.

Эстонские полицейские использовались немецким командованием для охраны лагерей и тюрем на территории Остланда, а также для охраны гетто в Польше, Югославии и даже в Италии¹. Кроме того,

они активно участвовали в карательных операциях против партизан на территории Ленинградской области, в Литве, Белоруссии и на Украине, отличаясь особой жестокостью по отношению к местному населению.

Оценивая деятельность эстонских полицейских, преподаватель русского и немецкого языка средней школы г. Выру Р. Якобсон в статье «Преступники или нет?» («Правда» от 19 июня 1945 г.), в частности, отмечал, что очень часто контингенты полицейских из местного населения, привлечённые германскими властями, исполняли задания вне пределов своих территорий, как, например, эстонские и латышские

полицейские на территории Псковской, Новгородской областей, в Литве, Польше. Эти подразделения по жестокости обращения с местным населением превосходили своих немецких хозяев².

Архивные документы свидетельствуют, что только за период 1941–1942 г. эстонские полицейские батальоны провели около 5 тыс. облав на скрывавшихся в лесах красноармейцев, парработников и активистов, а также на бежавших из лагерей советских военнопленных.

Эстонские полицейские участвовали в карательных операциях против мирного населения в районах г. Кингисеппа и дер. Керотово (Ленинградская область), где совершили зверские убийства, расстреляли и повесили многих мирных жителей. Только в Ленинградской области ими были сожжены полностью деревни Бабино, Хабалово, Чигиринка³.

Кроме этих полицейских подразделений, из числа эстонцев был создан специальный батальон «Остланд». Он был сформирован в октябре 1941 г. в г. Франкфурт-на-Одере, и в том же году в количестве 500 чел. направлен на Украину, где действовал во Львовской, Киевской, Житомирской областях, выполняя карательные функции⁴.

В ноябре 1942 г. батальон «Остланд» вместе с тремя немецкими полицейскими батальонами и артиллерийским полком под командованием генерала Хальтермана принимал участие в операции по борьбе с партизанами в районе г. Овруч, где в результате совместных действий карателями было сожжено более 50 деревень, расстреляно свыше 1500 жителей. В одной из деревень за убийство лейтенанта СС Тырна были заживо сожжены 40 местных жителей⁵.

В феврале 1943 г. карательный батальон «Остланд» с награбленным имуществом прибыл в г. Киев, а в марте был переведён в Польшу в г. Тебич, где слился с эстонским легионом СС и принимал участие в боях против Красной Армии в районах г. Невель, а затем г. Нарва.

В ноябре 1943 г. в карательных операциях против мирных жителей оккупированных территорий и партизан принимала активное участие и 3-я эстонская бригада СС, которая вместе с другими немецкими частями была задействована в операциях «Хейнрик» и «Фриц» в районе Полоцк, Невель, Идрица, Себеж.

Карательные операции проводились в октябре–декабре 1943 г. Кроме личного состава эстонской бригады, в операциях участвовали 288-й, 286-й, 313-й эстонские полицейские батальоны. Личный состав перечисленных выше подразделений совершал расстрелы, грабежи и уничтожал деревни на территории БССР, а также массовую отправку мирных жителей в Германию⁶.

По показаниям солдат и офицеров бывшего 286-го эстонского полицейского батальона и 3-й эстонской бригады СС, находившихся под следствием после ареста органами НКГБ ЭССР, в ходе этих карательных операций, проводившихся в Литве, Бе-

лоруссии, в районе ст. Идрица и в Себеже, личный состав вёл борьбу с партизанами, прочёсывал леса и проводил облавы в деревнях, одна из которых была полностью сожжена (20–30 домов). Карательные налеты 3-й эстонской бригады СС продолжались до конца декабря 1943 года⁷.

В Латвии основу для создаваемой немецким оккупационным командованием охранной полиции или так называемых «отрядов самообороны», составили члены вышедшей из подполья военно-фашистской организации айзсаргов. В Риге было создано 6 «отрядов самообороны», численностью по 150 чел. каждый. Штаб их находился в Риге⁸.

По замыслу немецкого оккупационного командования предполагалось использовать созданные подразделения для обысков, арестов, облав и прочёсывания лесов. Во главе этих отрядов был поставлен подполковник бывшей латвийской армии З. Вейс.

Одним из кровавых «показателей их работы» могут служить массовые расстрелы советских граждан в Риге. Как правило, им предшествовала специальная подготовка: накануне на совещаниях собирались руководители полицейских команд, представители националистических организаций, где обсуждались способы и методы ареста и уничтожения людей. Каждый из участников массового расстрела должен был четко знать свое место и функции в предстоящей акции, проводившейся всегда по одному сценарию: в заранее назначенное место и время собирались её участники из числа полицейских, айзсаргов. Всех поили водкой, затем на городскую площадь немцы с полицейскими выгоняли арестованных и гнали их в ближайший лес, где заранее были вырыты ямы и установлены пулемёты. Более 3000 чел. стали жертвами этих акций⁹.

Кроме Риги в июле 1941 г. на территории Прейльсской волости Двинского уезда такие карательные группы расстреляли 900 советских граждан, в том числе все еврейское население г. Прейли. В этом же уезде в августе 1941 г. было расстреляно 110 жителей селения Дагла. Руками карателей-латышей на окраине г. Субатэ Илукского уезда 21 июля 1941 г. было расстреляно 700 советских граждан, в том числе женщины и дети. При этом во всех случаях все имущество расстрелянных делилось поровну между палачами¹⁰.

В среднем каждый батальон состоял из 300 чел., хотя численность отдельных колебалась от 200 до 600 чел. Кроме непосредственного участия этих подразделений в боевых действиях против частей Красной Армии, как уже было сказано, они использовались оккупационным командованием для «наведения порядка в тылу», то есть борьбы с партизанами в Латвии, на Украине, в Белоруссии и др. регионах. Даже на Кавказе летом 1942 г. для «наведения порядка» в тылу немецких войск действовали 18-й и 27-й латвийские полицейские батальоны¹¹.

Основные категории граждан, предназначенные для уничтожения на местах, как и во всех зонах

оккупации были — евреи, коммунисты, советские активисты, лица, сочувствующие советской власти. Основными местами расстрела арестованных, в основном евреев, в Латвии стали территории между станциями Румбуле и Саласпилс, где был расположен один из самых страшных лагерей истребления людей, а также в Лудзе (лес Гарба), в Карсаве (гора Майту Калнс), в Резекне (гора Анчупана) и в лесах между Катлакалном и Бишунуйжа.

Предназначенных к расстрелу везли на ст. Румбуле или Саласпилс отовсюду: из Риги, из Австрии, Чехословакии, Франции и др. Масштабы истребления росли из месяца в месяц. Так, если в декабре 1941 г. в гетто г. Риги было около 30 000 евреев, то в августе 1942 г. их оставалось приблизительно 3000 чел.¹²

Как правило, в расстрелах принимали участие латвийские каратели из полицейских батальонов и члены молодежной организации айзсаргов. Общее руководство возлагалось на немецкую администрацию. Ряд документов проливает свет на факты уничтожения латвийскими полицейскими и латышей.

12 июня 1943 г. в телефонограмме № 33 помощник шефа окружной полиции сообщал областному руководителю СС и полиции, что в соответствии с установкой, данной на 11.06.1943 г. на совещании в Риге, командиром жандармерии Латвии и руководителем опорного пункта СД в д. Шкауне была произведена эвакуация (так в рапортах назывались расстрелы) семейств, один или несколько членов которых перешли к «бандитам».

Эвакуации были подвергнуты деревни: Шкауне, Рундени, Паспене и Брити. В общем было расстреляно 224 чел. по плану в течение трех часов, а сделали это полицейские из 273-го батальона латвийской полиции¹³. Такие акции были нередки: власти Остланда всячески старались подавить любое инакомыслие.

Латвийские полицейские батальоны «проявили себя» не только на родине, но и за её пределами. Они действовали на территории РСФСР, Белоруссии, Украины, Польши, повсюду уничтожая деревни и сёла, истребляя мирных граждан.

Каратели 22-го Даугавпилсского полицейского батальона безжалостно действовали в районах Житомира и Луцка; 23-го Гауйского полицейского батальона — в районах Днепропетровска и Керчи, 25-го Абавского полицейского батальона — в районах Коростеня и Овруча, а 28-го Бартского полицейского батальона — в районе Кривого Рога¹⁴.

Летом 1942 г. немецкая полиция безопасности передала охрану г. Слоним в Белоруссии 18-му латвийскому полицейскому батальону. Командир его Рубенис буквально в тот же день отдал приказ об уничтожении гетто (2000 чел.)¹⁵.

По замыслу немецкого командования в интересах защиты границы бывшей Латвии от нападения партизан с сопредельной белорусской территории генерал Еккельн, командующий силами полиции и СС в Остланде, в период с начала февраля по середину

апреля 1943 г. предпринял полицейскую операцию с целью создания нейтральной зоны шириной 40 км. Эта полоса земли без жителей и населенных пунктов должна была лишить партизан их опорных пунктов. Партизаны перед проникновением в Латвию должны были бы, таким образом, дополнительно преодолеть это 40-километровое расстояние. Операцией руководил лично генерал Еккельн. Войсковые части были разделены на две группы:

- группа генерала Шрёдера — 3 латвийских батальона, одна украинская рота, одна литовская рота.
- группа полковника Кнехта — 4 латвийских батальона.

Кроме того, им были приданы специальные подразделения. Общая численность составляла примерно 4000 чел., при них было 700 колесных машин.

Оперативное пространство лежало между Дриссой на юге, Зилупе и Смольнаталь на севере. За год до этого немецкие коменданты из-за опасности партизанских нападений оставили эту территорию. Полосы шириной 5 км вдоль железной дороги оставались под контролем вермахта. Отступая, коменданты предоставили жителям-мужчинам право выбора: либо уйти вместе с немецкими войсками, либо остаться. Многие ушли и чаще всего несли затем охранную службу.

Операция разворачивалась следующим образом: войдя в деревню (вначале никакого сопротивления не оказывалось), солдаты немедленно расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам. Таковыми считались практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Основывалось это тем, что они в свое время не ушли из этих мест, когда уходили коменданты. Вслед за регулярными войсками появлялись части СД, которые действовали примерно так: всех подозрительных среди тех, кто остался, расстреливали, в том числе стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш. Остальные — в основном женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого второго шлюзования. Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например в Саласпилс под Ригой, где женщин отделяли от их детей и направляли на работу в Германию. Дети в возрасте от грудного до 16 лет распределялись среди латышского населения.

Деревни в большинстве случаев ещё до прибытия хозяйственных команд с целью сбора оставшихся ценностей, подвергались разграблению и сожжению. При этом пропало большое количество льна, шерсти, зерна, строительного лесоматериала и т.д. В ходе продолжающейся операции сопротивление все возрастало. В отдельных случаях разыгрывались настоящие сражения, во время которых пускали в ход и артиллерию. Всего было уничтожено несколько сотен деревень, среди них и такие, где насчитывалось до тысячи и более жителей. Только в районе Мациевичи было уничтожено 1247 мирных жителей¹⁶. С целью

выявления реальной ситуации по этому вопросу на передовую и в тыловые районы были посланы офицеры власовской армии — РОА. Ряд доказательств жестокости латвийских карателей содержит доклад поручика В. Балтиньша адъютанту А. А. Власова полковнику В. Позднякову, находившемуся в 1943 г. в Риге для координации идеологической работы по разложению войск Красной Армии.

«Господин полковник, после личного моего доклада Вам относительно зверств латышских и эстонских СС на занятой немцами российской территории, я позволяю себе подать Вам этот письменный доклад.

В середине декабря 1943 г. по делам службы мне пришлось (с несколькими сотрудниками) быть в районе Белоруссии (быв. Витебской губернии), в деревнях Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Эти деревни занимали немецкие части и терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латвийские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам, чтобы не быть убитыми. Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. От жителей я узнал, что этими бесчинствами занимались латвийские СС.

23 апреля 1944 г. мне пришлось быть в деревне Морочково. Вся она была сожжена. В погребках хат жили эсэсовцы-латыши. В день моего прибытия туда их должна была сменить немецкая часть, но мне всё-таки удалось поговорить по-латышски с несколькими из них, правда фамилий их не знаю. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни непогребенных трупов, а также убитые лошади. Ответ был таков: „Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских“.

Когда эта латышская часть уходила, она взяла с собой в качестве наложниц нескольких русских женщин и девушек. Им вменялось в обязанность, кроме того, стирать бельё солдатам, топить бани, чистить помещения и т.п.

На следующий день мы перешли маленькую речку и нашли вблизи неё несколько уцелевших хат и жителей. При виде нас последние испугались, но нам удалось быстро успокоить их. Мы показали им семь свежих крестов на могилах, в которых мы захоронили трупы, и рассказали о том, что видели. Крестьяне горько рыдали и рассказывали о том, что им пришлось пережить за время пребывания здесь латвийских СС.

В начале мая в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин мы видели около 3 тыс. тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались „люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные повязки на левом рукаве“, то есть это были латвийские СС.

На такие же факты пришлось натолкнуться и в бывшей Псковской губернии со стороны эстонских СС.

Представляя вышеуказанный доклад на Ваше рассмотрение, я надеюсь, господин полковник, что будут приняты меры для ограждения русского населения от повторения описанных зверств»¹⁷.

Специально для проведения карательных акций оккупационные власти создали так называемую «команду Арайса». Бывший капрал латвийской армии, выпускник Рижского университета, на момент формирования отряда возглавлял всю рижскую полицию. В. Арайс создал батальон шестиротного состава общей численностью до 600 чел. в каждой. Общая численность батальона доходила до 3000 чел.¹⁸.

Немецкое командование возложило на это подразделение следующие функции: проведение арестов антифашистски настроенных лиц по всей территории бывшей Латвийской ССР; массовые расстрелы советских граждан; карательные экспедиции против партизан; несение охранной службы в гетто и концентрационных лагерях. Большинство лиц, служивших в батальоне, направлялись на учёбу в Фюрстенбергскую школу СД, после окончания которой они становились официальными сотрудниками, правомочными исполнять карательные функции.

Личный состав «команды Арайса» носил обмундирование бывшей латышской армии, на рукаве была повязка с изображением черепа и перекрещенных костей с надписью: «Вспомогательная полиция безопасности», впоследствии отряд экипировали формой войск СС.

С июля по декабрь 1941 г. систематически вместе с другими полицейскими батальонами личный состав этого подразделения производил расстрелы евреев в Бикерниекском лесу (общее число жертв — 46 500 чел.), а также в Либаве, в местечке Талси и на станции Царниково (более 10 тыс. чел.). Батальон участвовал в массовых расстрелах в Румбульском лесу (за всю оккупацию — около 38 000 чел.).

Во время некоторых расстрелов убивали до 2 тыс. чел. По показаниям члена «команды Арайса» Литониса, только с января по март 1943 г. в Бикерниекском лесу латышскими полицейскими было расстреляно более 10 тыс. чел. Палачи постоянно «совершенствовали» способы расстрелов. Сначала это выглядело так: обречённых на смерть людей ставили небольшими группами на край рва, и стрелки по команде производили залпы, а затем следующие жертвы, раздетые до нижнего белья, а иногда донага, должны были спуститься на трупы ранее убитых людей и встать так, чтобы их тела ложились ровными рядами¹⁹.

Сам Арайс активно участвовал в расстрелах и требовал того же от своих подчинённых. В 1942 г. за проявленное усердие гитлеровское командование присвоило Арайсу звание штурмбанфюрера, а в июле 1943 г. он был награждён крестом с мечами за боевые заслуги²⁰.

В последующие периоды Великой Отечественной войны отряд периодически выезжал в так называемые командировки в районы городов Великие Луки, Ба-

рановичи, Слуцк, Минск. Продолжительность таких выездов колебалась от одного до трёх месяцев.

Кроме того, полицейские «отряда Арайса» охраняли концлагерь в г. Саласпилс, где в результате массовых расстрелов, чинимых администрацией и охраной лагеря, за весь период оккупации было истреблено 101 100 советских граждан²¹. Безусловно, «команда Арайса» занимала первое место среди всех полицейских формирований Латвии по количеству преступлений.

Согласно данным Чрезвычайной республиканской комиссии по злодеяниям немецко-фашистских захватчиков и их пособников, только на территории Латвии было замучено 313 798 мирных жителей (в том числе 39 835 детей) и 330 032 советских военнопленных.

По данным архивов в 1942 г. в результате карательных экспедиций 2-й бригады латвийских СС были сожжены деревня Фёдоровка Чудского района Новгородской области, село Осино. Кроме того, личным составом бригады проводились в 1941–1943 гг. массовые поджоги и расстрелы в населённых пунктах: Лубницы, Осец, Кречно в 60 км северо-западнее Новгорода, а также в концлагере под г. Красное Село Ленинградской области.

19-я латышская дивизия СС, кроме общих функций на Восточном фронте, выполняла следующие задачи: борьба с советскими партизанами в тыловых районах немецких войск; проведение облав на мирных жителей, заподозренных в помощи партизанам; уничтожение мирных советских граждан; конфискация у населения скота, зерна, продуктов питания; сожжение населённых пунктов. В основном эти задачи выполнялись силами роты полицейской жандармерии, организационно входившей в штат 19-й латышской дивизии СС, но часто для их решения привлекался дополнительно и личный состав других боевых частей и подразделений соединения²².

Дивизия принимала непосредственное участие в карательных акциях против советских граждан на территориях Ленинградской, Новгородской областей.

В 1943 г. части дивизии участвовали в карательных операциях против советских партизан в районах г. Невель, Опочка, Псков (расстреляно 560 чел. в 3 км от Пскова). 18 декабря 1943 г. в д. Заля-Гора, западнее Новгорода, было расстреляно 250 чел. мирных жителей. Силами роты полицейской жандармерии в начале января 1944 г. массовые расстрелы проводились в г. Чудово Ленинградской области²³. А в д. Глухая 21.01.1944 г. латышские каратели загнали в сарай 200 чел. и расстреляли из пулемётов. Этими же силами было расстреляно 500 чел., содержащихся в концлагере под г. Порохово в Белоруссии. Всего с 18 декабря 1943 г. по 2 апреля 1944 г. личным составом 19-й латышской дивизии СС при проведении карательных акций было уничтожено 23 деревни, из которых в 13 расстреляно 1300 чел.²⁴.

Также военнослужащие 19-й латышской дивизии сопровождали эшелоны новобранцев в качестве

охранников. При этом, по воспоминаниям некоторых из них, жестоко пресекали малейшие попытки побегов. Так, в начале января 1944 г. при сопровождении эшелона с мобилизованными в Ригу охрана из числа солдат роты фельджандармерии дивизии расстреляла 25 человек²⁵.

Немецкое военное командование, привлекая силы и средства национальных воинских формирований прибалтийских государств, стремилось решить тем самым несколько задач: обеспечить безопасность своих тыловых районов от активных действий советских партизан; высвободить часть сил регулярной немецкой армии от выполнения карательных и вспомогательных задач с целью усиления группировок войск на передовой; использовать национальные прибалтийские формирования, чтобы закрыть бреши на менее ответственных участках восточного фронта.

Анализ многочисленных отечественных и зарубежных источников, специальной литературы позволил выявить следующие особенности процесса использования национальных формирований Латвии и Эстонии.

1. В силу определённых, прежде всего исторических условий, большая часть населения Прибалтики не приняла активного участия в борьбе с частями Красной Армии, предпочитая оставаться нейтральными, либо вступать в небоевые (охранные, строительные, пограничные) части и подразделения. Часть эстонцев и латышей боролись в этой войне прежде всего за восстановление буржуазных государств довоенного типа в своих странах. И поэтому на завершающем этапе войны были готовы к ведению боевых действий как против немцев, отходящих под ударами частей Красной Армии, так и против советских войск. Впоследствии они составили костяк формирований так называемых «лесных братьев».
2. Наиболее активно участвовали в боевых действиях на различных участках советско-германского фронта на стороне немцев латышские и эстонские подразделения, части и соединения.
3. Непосредственно в боевых действиях против частей Красной Армии на стороне вермахта участвовали прибалтийские полицейские, охранные подразделения, две пехотные бригады (2-я и 3-я латышская и эстонская соответственно) и три добровольческие дивизии СС, причём две из них — 15-я и 19-я — были латышскими, а 20-я — эстонской.
4. Эти прибалтийские подразделения, части и соединения применялись в основном против войск Волховского, Ленинградского, 1-го, 2-го Прибалтийских и Белорусских фронтов. Прибалтийские формирования вермахта использовались также на территориях РСФСР, Украины, Белоруссии, Польши, Югославии, Чехословакии, Италии и Прибалтики.

5. По данным различных источников, личный состав особенно этих бригад и соединений ожесточенно сражался против советских войск. При этом потери как в личном составе, так и в вооружении были значительными: 15-я латышская добровольческая дивизия СС за период с ноября 1943 г. по ноябрь 1944 г. два раза отправлялась на доукомплектование и отдых; 19-я латышская добровольческая дивизия СС только в сентябре–октябре 1944 г. потеряла в боях 6 тыс. человек убитыми и ранеными; после короткого периода боёв (декабрь 1943 — январь 1944 гг.) 3-й эстонской бригаде пришлось выходить в тыл для полного восстановления, а затем переформирования.
6. Для «наведения порядка» на оккупированных территориях Прибалтийских государств и ряда других территорий немецкое командование активно привлекало национальные полицейские батальоны. Такие подразделения были созданы во всех прибалтийских республиках. Основными задачами, решаемыми личным составом этих батальонов были: аресты антифашистски настроенных лиц по всей территории Остланда; проведение массовых расстрелов советских граждан; карательные экспедиции против советских партизан; несение охранной службы в гетто и концентрационных лагерях. Кроме этих подразделений карательные операции против партизан и мирных жителей проводились частями и подразделениями 3-й эстонской добровольческой бригады, 2-й латвийской бригады и 19-й латышской добровольческой дивизии СС, а также специально созданными для решения подобных задач батальоном «Остланд» и «командой Арайс».
7. Как правило, каратели из полицейских батальонов привлекались для уничтожения мирных жителей в смешанном составе и производили расстрелы под руководством немецкой админи-

страции. Однако известны факты самостоятельных, инициативных действий эстонских и латышских карателей при истреблении еврейских кварталов и гетто, а также в операциях против партизан. Все карательные операции прибалтийских полицейских формирований отличались особой жестокостью. Причём подобные операции проводились как на территории собственно Прибалтики, так и на Украине, в Белоруссии, Польше, в Ленинградской областях, на Кавказе и даже в Италии и Югославии.

8. Немецкое командование активно использовало национальные кадры Прибалтики для решения специфических задач в тыловых районах. Солдаты охранных, строительных батальонов следили за сохранностью железнодорожных и автомобильных мостов, важных узлов дорог, предприятий, участвовали в акциях по изъятию у местных жителей продуктов и фуража; охраняли колонны с военнопленными при следовании к месту определения и сопровождали колонны мирных жителей, угоняемых в Германию на торжные работы; охраняли концентрационные лагеря и работавших на различных объектах военнопленных.

Таковы лишь некоторые запечатлённые в документах факты истории, освещающие действия эстонских и латвийских дивизий «Ваффен-СС» на северо-западе СССР в 1941–1945 гг. Минуло много лет, а те, кто скрывал свое прошлое из страха перед возможным возмездием, теперь проходят с эсэсовской символикой парадом по центрам Риги и Таллина. По меньшей мере, удивляет такая «забывчивость» официальных учреждений Латвии и Эстонии. И это при том, что приговор Нюрнбергского трибунала, определивший СС как «преступную организацию», не имеет ни срока давности, ни обратной силы.

Хочется верить, что разум людей не допустит возрождения фашизма, а нацистские шествия в Прибалтике позорно канут в Лету.

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 51.

² ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 882. Л. 18–19.

³ РГВА. Ф. 451п. Оп. 5. Д. 149. Л. 144–145.

⁴ Там же. Л. 145.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 152. Л. 249–258.

⁶ Там же. Л. 258.

⁷ Там же.

⁸ ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1075. Л. 313.

⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 535. Л. 108–113.

¹⁰ Там же. Л. 122.

¹¹ Емельянов Ю. Большая игра. С. 191.

¹² Палачи // ВИЖ. № 7. 1990. С. 34.

¹³ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 88–89.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 450. Л. 74–90.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Палачи // ВИЖ. 1990. № 6. С. 32.

¹⁷ Источник // 1998, №2. С. 74–75.

¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 147–152.

¹⁹ Колганов А. Дело №2783: Военные преступления не забыты // Независимое военное обозрение 2000. №16. С. 7.

²⁰ Там же.

²¹ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 147–152.

²² РГВА. Ф. 451. Оп. 6. Д.96. Л. 221–222.

²³ Там же. Л. 236.

²⁴ Там же.

²⁵ РГВА Ф. 451. Оп. 7. Д. 123. Л. 299.